

С. 3

О вере и доверии

В Подмоскowie прошел XVIII Сретенский собор. В нём приняли участие общины Преображенского братства из многих городов России и стран ближнего зарубежья и гости из румынского православного движения «Воинство Господне». Разговор шёл о проблемах общинной жизни и о национальном покаянии

С. 6–7

Март 1917: отречение

В прошлом номере, рассказывая о событиях 1917 года, мы остановились на вечер 28 февраля, когда царский поезд вынужден был повернуть в сторону узловой станции Дно. Всего через два дня на запасных путях псковского вокзала императором был подписан манифест об отречении от престола

С. 8

Преодолеть одиночество

Сорок лет назад, 7 марта 1977 года, в небольшом городе Покрове скончался духовный писатель, исповедник веры Сергей Иосифович Фудель. Очевидцы вспоминают его похороны как подлинное Торжество православия. Книги же его до сих пор остаются для многих из нас настоящим духовным хлебом

Приложение «Открытая встреча»

Сегодня в нашем номере – проповедь прот. Александра Лаврина, обращённая к новоцерковлённым и посвящённая бесплодной смоковнице. А ещё мы возвращаемся к рассказам о пути к Богу и в Церковь. О том, как складывался этот путь в 1970-е годы, рассказывает в своём эссе журналист и поэт Борис Колымагин

Тема номера Братства вчера и сегодня

Братства в кризисные и спокойные эпохи

В Подмоскowie прошла первая конференция по истории православных братств

На конференции, приуроченной к столетию призыва патриарха Тихона к созданию братских союзов, обсуждали границы понятий «братство», «братское движение»; причины, предпосылки и историю возникновения братств в России; традиционность и новизну братств как формы устройства церковной жизни; дискуссии о братствах в русском обществе и периодической печати; братство как социокультурный и церковный феномен, как проявление коммюнитарности русского народа; проблемы взаимоотношений братств с государством и официальными церковными структурами.

История православных братств на Руси начинается с XV–XVI веков, однако всплеск интереса к самому явлению возникает в конце 60-х годов XIX века. В 1864 году были утверждены «Основные правила для учреждения православных братств». С этого момента в России начинает появляться множество православных братств: по официальным данным, к 1914 году их насчитывалось более семисот.

Но как в XIX веке, так и сегодня нет однозначного определения братства. Не выявлены критерии, которые позволяли бы выявить братства как некий специфический духовный тип общежития среди неоднородного множества самых разных просветительских, благотворительных и прочих организаций. Некоторые из этих организаций именовали себя братствами (но при этом могли братствами и не быть), некоторые так себя не называли, однако могли обладать всеми признаками братства. Пример такого братства по сути – Татевского общества трезвости С.А. Рачинского – представил в своём докладе о дореволюционных трезвеннических братствах профессор СФИ Александр Копировский.

Участники конференции вспомнили различные определения братства – от «самоуправляющейся организации мирян в рамках какой-либо религии, созданной вокруг своего храма (святыни) с рели-

гиозными политическими, социально-бытовыми целями, закреплёнными в уставе и традиции» до «общины, в которой братчики равны во Христе».

Возможный критерий для выявления братств среди разнообразных религиозных и общественных сообществ предложила Ирина Гордеева, кандидат исторических наук, доцент РГГУ. Она напомнила о двух типах отношений, или связей, между людьми – общинности и общественности. Эти понятия ввёл немецкий социолог Фердинанд Тённис. Общинность характеризуется личностными отношениями «лицом к лицу», стремлением к социальной справедливости, равенством в повседневной жизни, внутренним единством; община рассматривается как источник высших моральных ценностей: добра, любви, чести, верности, дружбы. Исследователи сошлись во мнении, что критерий братства следует искать в сфере качества общения, взаимосвязей между людьми.

Окончание на с. 3,4

Ректор СФИ профессор священник Георгий Кочетков подводит итоги конференции

О божественной Правде и Справедливости

Интервью с митрополитом Барнаульским Сергием: продолжаем публиковать материалы с Рождественских чтений 2017 года

Владыка, Святейший патриарх в своём докладе на открытии Рождественских чтений вспоминал слова Солженицына: насилие и лож связаны друг с другом. Как Вы считаете, как можно донести до людей правду о прошедшем столетии, выявить ту правду, которая сейчас, может быть, не всегда видна, не всегда понятна? Не столько фактологическую правду, а скорее внутреннюю.

Понятие правды – это Божественное понятие. Поэтому, когда мы говорим о том, как нам на земле строить справедливые отношения, в первую очередь они должны строиться на законе божественной Правды. Почему неправда и насилие вместе объединяются? Потому что попрание правды исключает присутствие в мире божественного Закона, божественной Справедливости. И тогда утверждаются человеческие, ложные представления. А где ложь, там и насилие. Это онтологически объединённые понятия: правда, справедливость, творение добра. Или: неправда, ложь и всякое зло. Наша задача всегда, в любых условиях, проповедовать истину Божию, правду возлюбить и видеть её. И мы должны всё время стремиться к тому, чтобы утверждать

на земле божественную Правду. Но есть понятие правды, а есть ещё Истина. Христос Сам назвал Себя Истиной. А Пилат, который так и не мог найти в языческом мире ответ на вопрос: «Что есть истина?», не узнал Христа, не узнал эту самую Истину. И в мире множество таких людей, ослеплённых подобно Пилату. Они, казалось бы, ищут что-то высокое, а проходят мимо Истины – Христа – и не находят Его. А не найдя Истину – Бога, они не знают и правды. Поэтому уделом их остаётся творить зло. Значит, наша задача – максимально всем людям показывать правду Божию через Иисуса Христа, Истину в последней инстанции.

В чём наша надежда на этом пути, особенно после всего, что произошло в течение последнего столетия?

Я всегда смотрю в будущее, как и многие, кто не обделён нравственным чутьём... Мы все знаем, что победа будет за Богом. Всё равно Он побеждает, даже при условиях нашего поражения (мы по-человечески терпим иногда поражение от сил зла и перед лицом века сего). А все эти поражения оборачиваются победой. В конечном счёте побеждает Христос, который есть Путь, Истина и Жизнь.

Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная

«Бог воистину хочет и готов исцелить нашу страну»

Интервью с протоиереем Василе Михоком, президентом румынского православного движения «Воинство Господне»

Отец Василе, Вы знаете, что наше братство призывает в этот год столетия Русской Катастрофы к национальному покаянию. И для нас, конечно, важно найти тех, кто имеет близкий опыт. Мы слышали, что подобное покаяние происходило в Румынии. Не могли бы Вы рассказать об этом?

Покаяние абсолютно необходимо для обновления, для нового начала в жизни человека, или общины, или страны. Церковь обязана всё время призывать людей к покаянию. А когда в жизни страны происходило очень много плохого, чем изобилвала история последних времён, призыв к покаянию должен звучать очень ясно и четко. И в конце 1990-х мы это очень остро почувствовали. Я был среди инициаторов призыва к покаянию в нашей стране. И мы в Бухаресте организовали конференцию представителей всех христианских церквей Румынии. У нас их тогда было четырнадцать. Основная конфессия, серьезное большинство христиан – православные, есть католики и протестанты разных деноминаций. Мы связались с руководством всех церквей и получилась прекрасная конференция. Удивительным образом отозвались все; собрались тысяча двести человек из всех церквей и заполнили собою огромный зал в здании парламента.

Кто был инициатором?

Была инициативная группа, в неё входили и братья из «Воинства Господня», но не только они.

И вот летом 2000 года мы собрались все вместе. В первый день конференции после молитвы началось пленарное заседание, а потом мы разделились на двадцать групп, обсуждали в этих группах разные темы и в каждой группе сформулировали какие-то свои мысли и заключения. Когда закончилась работа групп, было уже очень поздно, часов десять вечера, и нужно было уходить и закрывать помещение. Но организаторы собрались вместе, потому что на завтра надо было подвести какие-то итоги к пленарному заседанию. Каждый из них говорил: «Всё, я больше не могу, я устал», и я понял, что мне придётся всё делать самому. Я вернулся в гостиницу, собрал все эти материалы и попытался их суммировать. Я тоже чувствовал себя очень усталым, и просто помолился Господу, чтобы Он дал мне какое-то вдохновение. А потом составил из этих записей текст на две странички. Часа в три ночи у меня взяли этот текст, чтобы распечатать. На следующий день утром у всех в руках уже был этот листочек. И когда я вошёл, народ шутил: «Ну, вот и пророк пришёл».

Окончание на с. 2

«Бог воистину хочет и готов исцелить нашу страну»

Начало на с. 1

Интервью с протоиереем Василе Михоком, президентом православного движения «Воинство Господне»

Им очень понравилось то, что я написал. В конце заседания я должен был зачитать это обращение. Я начал читать и все встали. И стали читать вместе со мной вслух. Так что это обращение было зачитано хором всеми участниками конференции.

Это была молитва?

Это был итог конференции и призыв к покаянию. Это было совместное усилие выявить и назвать те грехи, которые присутствовали в жизни наших поколений.

Был ли какой-то отклик в обществе?

Оценить степень влияния этого события, конечно, трудно. Но мне кажется, что по крайней мере церковный народ это услышал.

Потом мы ещё два или три раза встречались с парламентом. Мы пригласили всех парламентариев на христианскую, церковную, евангельскую конференцию, пытались им сказать об их ответственности за народ. В конце концов, есть Суд Божий и ответственность перед Судом Божиим, так что мы все отвечаем за то, что делаем. Пришли не все парламентарии, 130 человек, больше трети. И по крайней мере те, которые пришли, согласились с этим.

Потом у нас ещё была серия конференций по мученичеству. На одну из них приезжал о. Павел

Адельгейм. Понятно, что нас в основном интересовали мученики и исповедники XX века, которые пострадали, умерли в лагерях и тюрьмах. В этом году весь церковный год по решению Синода посвящён в Румынской церкви новомученикам XX века.

Так можно ли сказать, что покаяние в Румынии совершилось, или это дело будущего?

Мы не начинали ещё. Помните, как один из отцов-пустынников уже на смертном одре сказал: «Я моллю Господа, чтобы мне ещё было дано время на покаяние, я ещё не начал».

Я пытался выразить мнение участников конференции и то, что мы пережили. И было хорошо, что люди как бы сказали на это «аминь», что они были готовы под этим подписаться.

Можно ли как-то определить, многие ли ещё в Румынии кроме тех тысячи духовот людей, которые согласились, тоже готовы были бы подписаться под этим документом? Или, на Ваш взгляд, этого усилия покаяния достаточно со стороны некоего минимума ответственных людей?

Недостаточно; но, с другой стороны, для Румынии это всё-таки много. 1200 человек, которые представляют все Церкви, — это было серьёзно. Там были и епископы, и священники, пасторы. И это было официальное представительство каждой Церкви.

Чем из своего опыта Вы могли бы поделиться с теми, кто думает сегодня о национальном покаянии в России?

Мне кажется, важно использовать разные формы,

разные средства. Надо связываться с руководством разных церквей, нужно связываться с людьми, у которых есть какое-то влияние в обществе, профессорами, культурными деятелями, может быть, политиками, надо спрашивать их, что они об этом думают.

Конечно, в России это куда сложнее, чем в Румынии, учитывая размеры страны. Но всё-таки, даже если использовать все средства, которые у нас есть, нужно богословски изучать, что значит покаяние за прошлое, покаяние за других людей — чтобы это не было просто пропагандой, что я часто вижу на Западе.

Всё-таки здесь есть и культурный, и исторический аспект, никуда не денешься. Нам нужно по-хорошему бояться того, что такое может повториться, и надо это предвидеть, надо это предвосхищать. Куда проще заниматься профилактикой, чем потом — исцелением. И очень хорошо, когда люди с совестью, с ясным умом и мудростью говорят: мы не хотим, чтобы такое повторилось, чтобы было такое количество жертв. Одна невинная жертва — плохо, а когда их миллионы!

Беседовала Анастасия Наконечная
Переводила Наталья Кольцова

Ниже мы публикуем тот документ, о котором рассказал о. Василе Михок

Памятник жертвам тюрьмы Аюд

Икона новомучеников румынских, узников тюрьмы Аюд

Из послания румынских христианских церквей на конференции «Следование за Христом в повседневной жизни»

По воле и благословию Господа, во Святой Троице поклоняемого и прославляемого, в дни 15–16 июня собралось более тысячи представителей христианских церквей Румынии — епископов, священников, пасторов и мирян, а также множество христиан, трудящихся в сфере социальной помощи. Мы собрались во Дворце Парламента в Бухаресте на христианской конференции национального уровня по соизволению всех церквей Румынии, поставивших перед собой цель выявить те серьёзные болезни, которыми страдает наша страна в настоящее время, и вместе потрудиться для их исцеления. Эти недуги, проявления которых отражаются на всех сторонах жизни румынского общества и вызывают наибольшее беспокойство у всех нас, в особенности удрают по нашим детям...

Мы начали вместе следовать по этому пути восстановления народа с обетования Божьего о том, что через смиренную молитву и подлинное возвращение к исполнению Его воли наша страна будет исцелена. Истинно говорит Бог в Своём Слове: «И если тогда Мой народ, именем Моим осенённый, смирится, взмолится и устремится ко Мне, отвратившись от своих злых дел, — Я услышу их с небес, прощу им грех и пошлю стране исцеление» (2 Пар 7:14).

Следуя этому слову, мы захотели, чтобы наше общее собрание проходило под знаком смирения, молитвы и решительного намерения вернуться к Богу и к исполнению Его воли. А Небесный Отец по Своей безмерной благодати и милости явил Себя и в этот раз верным данному обетованию. Ибо здесь мы поистине пережили мощный опыт присутствия и действия Божьего посреди нас. На протяжении этих двух дней мы с радостью познали, сколь сильным и созвучным

может быть наш общий голос. Светящее присутствие Святого Духа посреди нас показало явным образом, что Бог воистину хочет и готов исцелить нашу страну.

Её недуги многочисленны и тяжелы. Мы постарались со всей искренностью выявить эти болезни.

Как могло дойти до того, что столько матерей в современной Румынии, христианской стране, убивают своих детей во чреве или же отказываются от новорождённых?

Почему богохульство, насилие, эгоизм, жадность и распушенность обрушиваются стремительным потоком на всю страну?

...Румыния ожесточила своё сердце против своих сыновей!

У нее некуда нет сердца для них, и сколь многим в ней нет места, чтобы родиться!

А тем, кто родился, не находится места, чтобы вырасти!

Её сыновья скитаются по всем четырём сторонам света, потому что им негде заработать себе на хлеб в Румынии!

Многие из пожилых жителей Румынии, трудившиеся всю свою жизнь, на старости лет не имеют элементарных средств к существованию!

Эта страна больна!

Для участников конференции, помимо всех прочих причин, очевидно, что основной причиной этих тяжелых недугов страны является то, что большинство чад Божьих отвернулись от Него и от Его воли.

Поэтому наше обращение есть сугубый призыв к покаянию.

Придите все, да исповедуем наш грех перед Господом, чтобы нам обрести прощение и исцеление!

Воззовём к Господу Богу нашему:

(Все участники встали и продолжили читать вместе вслух.)

«Мы, родители, исповедуем свою вину в том, что не обеспечили тёплого и благословенного очага, в котором родились бы и воспитывались бы в красоте и чистоте наши сыновья, которых Бог соблаговолит нам подарить!

Господи, просим Тебя, прости нас!

Мы, воспитатели и учителя, исповедуем свою вину в том, что были недостаточно внимательны к немощным душам детей, но, наоборот, не единожды позволяли им быть осквернёнными неверием и всеми другими нашими грехами!

Господи, просим Тебя, прости нас!

Мы, все те врачи, которые, вместо того чтобы бороться за жизнь, сделали служителями смерти и орудиями убийства младенцев в утробе их матерей, исповедуем свою великую вину! Господи, просим Тебя, прости нас!

Мы, инженеры и техники, исповедуем свою вину в том, что принуждали румынский народ строить огромные предприятия ценой больших страданий и непосильного труда, а теперь принуждаем народ их разрушать! Господи, просим Тебя, прости нас!

Мы, журналисты и другие работники средств массовой информации, поставившие интеллект и технические средства на службу безнравственности и кощунству против Бога, признаём вину в том, что предоставили в руки врагу Божьему самое мощное средство отравления души народа!

Господи, просим Тебя, прости нас!

Мы, политики, признаём свою вину в том, что позволили увлечь себя духом страстной конкуренции, соблазну власти и уверенности в помощи от людей и поставили земное выше послушания Богу!

Господи, просим Тебя, прости нас!

Мы, учёные и философы, исповедуемся в том, что надменно служили безбожной и лживой науке, той, которая поклоняется смерти!

Господи, просим Тебя, прости нас!

Мы, служители церкви, прекрасно зная, что суд начнётся с дома Божьего, исповедуемся в том, что искали комфорта и компромисса с миром сим, в том, что равнодушно проходили мимо наших братьев, тяжело раненых разбойниками смертных грехов; исповедуемся в отсутствии жертвенности в нашем служении Евангелия и в бездельности относительно того, чтобы этот сигнал тревоги прозвучал ради спасения нашего народа и страны. Мы признаём свою вину в том, что больше трудились для себя, чем ради Тебя, ради Евангелия и Твоего народа! Мы исповедуем свою вину в том, что боролись, скорее, друг против друга, чем против дьявола, греха и смерти!

Господи, просим Тебя, прости нас!

Все, от мала до велика, со смирением и твёрдой верой, приносим пред лицем Господа Иисуса Христа это исповедание наших грехов. И просим Его помочь нам навсегда их отторгнуть и служить Ему в совершенной чистоте сердца, смирённом единстве и соработничестве.

В то же время благодарим Бога за всех тех родителей, воспитателей, учителей, врачей, инженеров, техников, журналистов, политиков, философов и служителей церкви, для которых в эти тяжёлые времена Христос не перестал быть Путём, Истиной и Жизнью (Ин 14:6), за всё то, что означает для страны это исповедание, это благословение и пример для подражания.

И да поможет нам Бог!

16 июня 2000 года
Перевод с румынского
Елены-Алины Патраковой

Издание Преображенского содружества малых православных братств

Кифа

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва,
ул. Покровка, д. 29

Тел./факс: +7 (495) 624-9250

Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Дмитрий Дорошко, Светлана Калинина, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Написание строчных и прописных букв в материалах – авторское.

Нашу газету можно приобрести:

в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Ste Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)
Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)

Вельск: +7-921-247-11-37

(София Кудрявцева)

Воронеж: +7-950-763-50-35

(Александр Терехов)

Екатеринбург: +7-904-388-03-91

(Татьяна Благодарова)

Рязань: +7-920-632-06-71

(Сергей Гаврилов)

Северодвинск: +7-909-551-20-11,

(Татьяна Колпакова)

Тверь: +7-909-266-88-83,

+7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)

Тула: +7-920-746-69-73

(Марина Писаревская)

Электросталь: +7-926-787-43-05

(Ольга Кузнецова)

США, Канада: 1-651-210-49-22,

oleg@voskres.net

(Олег Воскресенский)

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г.

Отпечатано в типографии «Бюрок», г. Москва,

ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная.

Выпуск подписан в печать 7 марта 2017 г.

Время подписания в печать: по графику – 9.00,

фактическое – 9.00.

Дата выхода в свет 10 марта 2017 г.

gazetakifa.ru

О вере и доверии

В соборе приняли участие общины из многих городов России и стран ближнего зарубежья, а также гости из румынского православного движения «Воинство Господне». Обсуждались две темы, которые оказались глубоко связаны: трудности и кризисы в общинной жизни, потенциал общины и Акция национального покаяния.

Проблемы общин

Некоторым общинам Преображенского братства по пятнадцать, двадцать лет. Самой первой общине в следующем году исполнится тридцать. Рождение первой общины стало воплощением веры в Церковь, и рождение каждой общины, созидание личностных, подлинных, глубоких и ответственных отношений друг с другом – это каждый раз усилие по созиданию живой клеточки Церкви.

Близкие отношения невозможны без открытости, однако когда люди всё больше узнают о немощах друг друга, трудностях характера, им становится труднее её сохранять. Председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак поделился тем, как тронули его однажды слова архимандрита Сергия (Савельева), обращённые к его общине: «Вся жизнь моя открыта перед вами». Эта неотмирность общины, её свобода от законов и грехов мира сего требует усилий, молитвы и труда.

При этом важно помнить, что есть некая внутренняя мистическая мера доверия, необходимая для общей жизни по Евангелию. Недостаток такого доверия может привести к кризису веры.

Ещё одна проблема связана с угашением духа, с тем, что Николай Николаевич Неплюев называл «рутиной церковной жизни». С этим искушением сталкиваются и «пожилые», и «молодые» общины. Преодолевается же оно через постоянный поиск путей обновления жизни, через стремление к общению и служению, когда община живёт не ради себя, но ищет возможности послужить всей церкви.

Проблемы покаяния

Акция национального покаяния (о начале её в День памяти жертв советских репрессий «Кифа» рассказывала в ноябрьском номере) – не общенародная акция. По словам председателя Свято-Петровского малого православного братства Юлии Балакшиной, её задача –

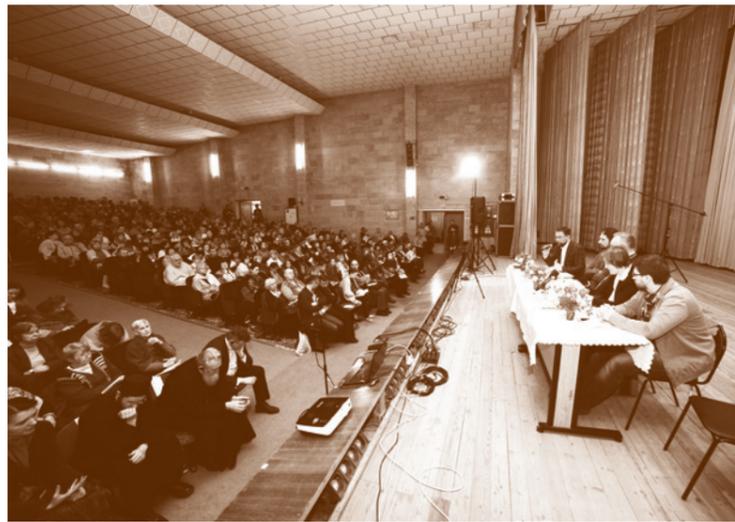
В Подмоскowie прошёл XVIII Сретенский собор Преображенского братства

выявить тот «остаток», который упоминается в Библии и который всегда откликался на обличения пророков, то ядро, вокруг которого можно строить возрождённый народ и общество. На современных людей, часто даже не знающих ничего о советском прошлом, неизбежно давит его груз. Именно поэтому Акция национального покаяния связана с личным покаянием всех, кто захочет к ней присоединиться, а также с восстановлением личной истории, истории своей семьи. Кто-то в советское время участвовал в неправде делом, словом или, наоборот, молчанием. Но и многие из тех, кто родился и рос уже в постсоветскую эпоху, свидетельствовали, что для них актуален призыв к покаянию за принятие в своей жизни духа страха, безволия и несвободы.

Алексей Наумов, президент Культурно-просветительского центра «Преображение» и председатель Введенского малого православного братства, напомнил о том, что покаяние направлено не только в прошлое, но и «в будущее в связи с прошлым». Этому часто не понимают, потому что останавливаются на бесконечном переживании вины – не покаянии, а самобичевании, которое лишь ослабляет. Некоторые люди считают, что покаяние – это позиция слабых, забывая, что покаяние – это возвращение к Отцу, перемена ума и попытка нащупать основания для возрождения народа и страны. Эту мысль продолжил Дмитрий Гасак. «Покаяние – это не столько вопрос вины, сколько вопрос разделения судьбы. Мы не можем себя отделить от истории народа, и в этом тоже есть восстановление преемственности и традиции. Мы каемся не только в чём-то, но и для чего-то, и надеемся, что покаяние – это исправление пути», – сказал он.

К сожалению, сегодня даже чуткие к правде люди часто не готовы брать на себя ответственность за существующую ситуацию и её перспективы. Многие поражены страхом и неверием в возможность единства, которое ассоциируется только с опытом «колхоза» и несвободы. Но христианское покаяние не может быть индивидуализированным, оно может быть только личностным, а значит, и соборным, открытым для всех.

Подводя итог этого разговора, духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков напомнил, что при советской власти уничтожались во всех сословиях, во всех частях общества прежде всего

старшие и большие. Поэтому сегодня найти старших и больших, тех, кто был бы готов взять на себя не столько вину, сколько ответственность за всё, что произошло, очень непросто. И тем не менее нужно делать то, что мы можем: каяться в тех пережитках, которые живут в нас самих, а если ни мы, ни наши родные не были ни в чём виновны, посочувствовать тем, кого убивали. Согласившись с репликой одного из участников собора, что схематическое противопоставление жизни до 1917 года и после него, отрицание исторических грехов предшествующего периода – ложная постановка вопроса, о. Георгий заметил, что всё-таки степень, качество грехов «до» и «после» – несоизмеримы, так же как и количество жертв.

К задачам Акции национального покаяния братчики возвратились и в заключительный день собора, вспомнив, что покаяние – это служение Предтечи. А значит, это то, что разровняет путь, укрепит доверие и поможет людям лучше прислушиваться к Богу и друг ко другу.

В новости использованы текст заметки Александры Строчевой (сайт Преображенского братства) и записи Максима Дементьева. Фотограф: Евгений Фоминых

Братства в кризисные и спокойные эпохи

В Подмоскowie прошла первая конференция по истории православных братств

Начало на с. 1

Ирина Гордеева

В то же время «общинную» составляющую оказалось трудно отделить от «общественной».

В качестве примера коммунитарного движения Ирина Гордеева привела Крестовоздвиженское трудовое братство Н.Н. Неплюева. По её словам, оно может рассматриваться как тип движения, целью которого является мирная духовная революция – радикальный духовный переворот. С конца 1860-х годов в России начался кризис власти, приведший в итоге к революциям 1917 года, и в контексте этого

кризисного периода Н.Н. Неплюев хотел найти альтернативу насильственной революции. Эту альтернативу он видел в низовой самоорганизации сознательно верующих людей. Он рассчитывал, что вся Россия покроется сетью братств, в каждом из которых будет происходить внутреннее преобразование человека на основе христианских ценностей, эти братства будут поддерживать связи и создадут объединённое Всероссийское братство, и лучшее будущее, подлинный христианский идеал будет достигнут без революционных потрясений.

«На самом деле у нас не так много альтернатив и в церкви, и в обществе, – сказал, подводя итоги конференции,

священник Георгий Кочетков. – Церковь должна вспомнить о местной соборности, и общество должно вспомнить о солидарности. Соборность и солидарность – важнейшие измерения нашей жизни и жизненная необходимость для всех».

Он напомнил, как на утверждение Хомякова, будто у русских больше христианской любви, чем на Западе, ответил Пушкин: «Может быть; я не мерил количества братской любви ни в России, ни на Западе, но знаю, что там явились основатели братских общин, которых у нас нет. А они были бы нам полезны».

«Мне кажется, больше всего нужно говорить и писать об этом, и важно дви-

гаться в практическом применении этих вещей к нашей жизни, “заражая” этим великим духом наших современников. Нужно не просто дать слову “братство” чёткое определение. Самое главное – чтобы люди вспомнили свой общинный и братский опыт в церкви, обществе, народе, культуре... Нам нужно понимать, на какой почве мы растём, движемся, существуем. С этим вопросом связана наша современность и будущее. Не будет у нас этих начал – не будет будущего ни у страны, ни у народа», – добавил отец Георгий.

Дарья Макеева
Полностью новость опубликована на сайте Преображенского братства

Интервью с историком Татьяной Носовой (Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина)

Существует мнение, что братства возникают в истории в ответ на кризисные явления церкви. Однако вторую половину XIX века трудно назвать совсем уж кризисной. В чём была мотивация образования тех братств, которые Вы изучаете?

Этот вопрос больше касается приходских братств, которые создавались в основном снизу. Кто был инициатором? Прежде всего, это были приходские священники. Из своих исследований я сделала вывод, что очень много зависело от личности священника, особенно когда братства ставили своей целью благотворительность. Например, Иоанно-Предтеченское Вологодское братство, Благовещенское братство на какой вызов времени отвечали? На перенаселение, возникшее в связи с реформами 1860-х годов – крестьянское население хлынуло в города после отмены крепостного права.

Разве на Севере было крепостное право?

В Республике Коми не было, а вот Вологда находится достаточно близко к центральной России. Там были люди,

пришедшие со своих земель, и они были неустроены. В том числе с этим была связана бедность населения, впоследствии повлияли и военные действия – русско-японская война, Первая мировая война. На эти вызовы времени приходские братства отвечали созданием благотворительных организаций.

Второй мотив – это ревностное служение священников в раскольнических областях. Там, где компактно проживали старообрядцы, православные церкви часто пустовали. А священники, будучи людьми образованными, видели при этом неграмотность населения, то, что дети не могут учиться. Им хотелось внести прогрессивную струю в жизнь своего прихода, и братства иногда создавались даже с каким-то игровым элементом. Например, у нас в Усть-Сысольском уезде Коми края был совсем далёкий Троицко-Печёрский район – так они на свои внебюджетные собеседования приглашали специальный колокольный звон, это придумал священник. Он всячески пытался привлечь народ: проводил вслух чтения религиозно-нравственной литературы, переводил многие тексты на коми язык, чтобы они были понятны людям.

Это была успешная деятельность?

Если говорить о миссии среди раскольников, то от них в православие переходили единицы, но если говорить о тех, кто был православным, то их удавалось удерживать, эта деятельность была успешной. Так что это были два основных вызова времени: бедность населения и трудности, связанные с низким уровнем жизни, и распространение старообрядчества. Угнетала образованных людей и неграмотность населения. Поэтому были священники, которые хотели просвещать народ, в частности, в церковно-приходских школах или на внебюджетных собеседованиях, народных чтениях.

И очень стоит отметить, что священника часто поддерживали верующие, его прихожане, самые ревностные из них. Их было обычно несколько человек: священник и его ближний круг. Можно сказать, что обычно они были инициаторами. Так в основном создавались приходские братства.

А как эта инициатива воспринималась церковным начальством? В последнем докладе мы слышали о ситуациях, когда священники хоте-

ли создать братства, а благочинный был против. Насколько часто такое случалось?

Препоны, конечно, тоже бывали. Бывали и обратные ситуации – насильственного создания, когда инициатива была сверху: «надо в вашем приходе создать братство». И тут опять многое зависело от священника. Очень часто, если у священника не лежала душа к братству и прихожане его не очень уважали, то братство не получалось сделать сильным, стабильным. Только если был сильный руководитель или, по крайней мере, помощник, который бы ему помогал, тогда это удавалось. Противоречия со стороны церковного руководства я встретила только в случае с Кокшенгским Федосеевским братством, которое хотело быть самостоятельным, но ему этой самостоятельности не дали. Но то братство не было приходским, оно состояло преимущественно из духовенства, которое хотело проявить себя, но у них это не получилось.

Интервью с другими участниками конференции – на с. 4

Братства в кризисные и спокойные эпохи

Начало на с. 1,3

Интервью с историком Василием Трофименко (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова)

Часто можно слышать, что братства возникали как ответ на серьезные кризисы церкви. Однако нельзя сказать, что во вторую половину XIX века был сильный кризис. Тем не менее появилось множество братств. Как Вам кажется, в чём была мотивация создания братств, которыми Вы занимались и, может быть, братского движения этого периода в целом?

Начнем с того, что считать кризисом в церкви. Если считать им некое падение интереса к духовной жизни, тогда – да, он был. Потому что в реальности существовало падение интереса в обществе к церковной, духовной жизни, к приходской жизни – при том, что церковь была государственной. В самом клире как таковом кризиса не было, но был кризис в отношении значительной части мирян к духовенству и в целом к церковной жизни. И, безусловно, это во многом сподвигало приходских священников искать выход из этой ситуации.

Попытки создания братств начались у нас в Архангельской епархии сразу же после издания самих правил учреждения братств. Мною зафиксирована по крайней мере одна такая попытка: в 1864 году священник Сорочкого прихода (ныне это в Республике Карелия) для того, чтобы бороться с расколом (поскольку старообрядчество было распространено на территории его прихода), обратился в епархию с идеей создать братство и утвердить его устав. Руководство епархии

ему отвечало, что необходимо собрать подписи будущих членов братства о том, что они не против того, чтобы стать членами братства. Однако священник со своей стороны сказал, что не может всем объявить основную цель братства, потому что часть людей, которых он планировал в него привлечь, толерантно относились к старообрядчеству, поскольку жили с его последователями бок о бок. Он понимал, что если сразу скажет о создании «противораскольнического братства», это воспримут неоднозначно. Ведь мы помним, что лишь совсем незадолго до этого прекратились активные гонения на старообрядцев (разгром Выговского общежития и т. д.). «Противораскольническое братство» звучало бы как «охота на ведьм», которая только обострит конфликт.

В результате тогда это братство не было основано, потом священник сменил свой приход, и дело положили под сукно в консистории. В конечном итоге, в конце 90-х годов XIX века вернулись к тому же, пускай не на Беломорском побережье, а на Печоре, но и к тому времени проблемы сосуществования старообрядчества и официального православия никуда не делись. Тем более, что, как сообщали священники, люди, придерживавшиеся старообрядчества, вели «показную благочестивую жизнь», чем они отличались от приверженцев официального православия, которые редко соблюдали церковные каноны и правила – это им было просто неинтересно. По сути они были не то

чтобы за официальное православие – они были индифферентны.

Но, видимо, они соблюдали необходимость причащаться раз в год?

Да-да. Они просто приходили, отбывали момент, чтобы галочка стояла в исповедной ведомости: «Мы исповедовались, причастились, детей, как положено по вашему обряду, крестили, но в целом нам абсолютно безразлично, что вы там исповедуете. Настоящие христиане – это те, которые по своим старым книгам молятся, им вообще священники не нужны». Что говорить – многие тогда воспринимали священников как обузу. Поэтому ничего удивительного нет в том, что этот кризис в отношении мира к причту, к клиру, к своим духовным христианским обязанностям спровоцировал тогда появление братств. Потому что зачастую индифферентность является более мощным катализатором, более мощным стимулом, чем какие-то открытые неприязни, связанные с церковью.

Латентный кризис?

Да, латентный кризис, причём на тот момент уже затяжной. Он начался ещё с Петровской и Екатерининской секуляризации, которые в конечном итоге привели к тому, что церковь так изменилась.

Это относится к Архангельской епархии, которой Вы занимаетесь, или ко всей церкви?

Я думаю, что ко всем. Просто у нас это было более выражено именно на фоне противостояния расколу со стороны официального православия.

Удалось этим братствам достичь своих целей?

Думаю, они не успели. Мой вариант ответа на этот вопрос – что, как и Столыпину на экономическую реформу, им не хватило времени на духовную реформу, на духовную перестройку общества. Случился тот обвал, после которого мы вернулись обратно в исходную точку и сейчас пожинаем плоды всего этого.

То есть сейчас в вашей епархии снова есть братства?

Сейчас есть, да. Братчики из нашей епархии приехали сюда, на конференцию. Так что пытаемся второй раз выполнить то, на что не хватило времени сто лет назад.

Воскресенская церковь Архангельска, при которой в 1901–1920 гг. существовало приходское Воскресенское братство

Интервью с историком Светланой Лукашовой (Отдел восточного славянства Института славяноведения)

Считается, что православные братства обычно появляются в разгар кризиса. Например, в 1918 году Александро-Невское братство в Петрограде защищало от экспроприации Лавру и, что удивительно, защитило её. В это время кризис был налицо. Как Вам кажется, связано ли появление православных братств в истории с такими серьёзными кризисами или, может быть, есть и другая мотивация?

С моей точки зрения, появление братств – это ответ не на внешний кризис церкви, а на её внутренний кризис. Изначально и в шестнадцатом веке, которым я занимаюсь, братства появились именно в ответ на духовный кризис церкви, с которым они и были призваны бороться. Почему в результате внутреннего кризиса церкви в дальнейшем следует внешний кризис церкви – это второй вопрос. Соответственно, братства в этой ситуации начинают бороться и с внешним кризисом церкви, но изначально всё идет именно от проявления духовного кризиса, который должно преодолеть движение снизу, не навязанное и не предложенное ни церковью, ни государством. Движение простых верующих.

А на на какой духовный кризис реагировали братства в XVI веке?

Брестский собор св. Николая, в котором была заключена уния. При нём с 1590 г. существовало православное братство. Это братство позже было вынуждено перейти в унию

Братства в шестнадцатом веке в Киевской митрополии создавались именно в условиях внутреннего кризиса православной церкви. Это, безусловно, было до Брестской унии, никаких униатских инициатив на тот момент, на момент возникновения массового братского движения, ещё не было. Они появились позже. Но кризисные явления были. Они не отрицаются ни светскими, ни церковными историками. Безусловно, это кризис и в православной иерархии, когда на высшие кафедры назначаются люди, заведомо недостойные, когда киевский митрополит двоежёнec (то есть женат повторным браком и тем не менее смог стать митрополитом), один из епископов, в дальнейшем пошедший на унию, обвинялся в убийстве, изнасиловании, один из епископов – запойный пьяница...

Нравственное сознание иерархии было на очень низком уровне. С другой стороны, безусловно, Киевская православная митрополия не имела особого влияния на Речь Посполитую, и положение архиереев Русской православной церкви было несопоставимо с положением католических иерархов в той же самой Речи Посполитой. Это тоже кризис. Соответственно то, что Русская церковь не смогла занять должного места в двуедином государстве Речи Посполитой, безусловно, было проблемой. Кроме того, проблему можно видеть в оскудении православного богословия. На этот момент греческое наследие было практически недоступно, потому что Греция тоже находилась в состоянии руинирования, и культурно-просветительская деятельность уже фактически прекратилась под давлением государственного аппарата Османской империи. Московская Русь ещё не набрала свои силы, и рассматривать её как культурный, богословский центр ещё, в общем-то, рано. А внутренние резервы Киевской митрополии на этот момент были исчерпаны: библиотеки скудны, уровень религиозного просвещения очень низкий. Соответственно, всё просвещение для детей сводилось к церковно-приходским школам, когда священник обучал нескольких наиболее толковых с его точки зрения детей, но преимущественно для обеспечения своих собственных нужд. Естественно, всё это можно считать кризисом. И плюс ещё

огромное количество внешних проблем, связанных не только с православием, а прежде всего с тем, что украинские земли – это зона контакта с католиками и протестантами. Католическая контрреформация, достаточно агрессивная в польском варианте, естественно, вела к тому, что православное общество начало терять своих членов. Плюс к этому ещё сама Реформация: она докатилась к этому моменту до восточных земель Речи Посполитой, и часть православной шляхты перешла в протестантские церкви. Их было много, и церковь с этим бороться не могла. Кто-то должен был поставить этот вопрос, кто-то должен был начать.

Насколько успешной можно считать деятельность братств по решению проблем, которые Вы обозначили?

На этот вопрос нет однозначного ответа. Насколько братства были адекватны возникшей угрозе? Да, угроза была значительной, здесь сомнений нет никаких. С одной стороны, следует признать, что именно деятельность братств способствовала подписанию Брестской унии. Братчики выдвинули стройную, продуманную программу реорганизации системы духовного просвещения в Киевской митрополии, в которой они себе отвели главное место. Именно по инициативе братств началось возрождение духовной жизни, в том числе регулярные созывы поместных соборов Киевской митрополии. Братства получили на этих соборах законное место и активно участвовали в них, навязывая епископату принятие некоторых решений. Епископат не был готов к таким реформам и в результате счёл за лучшее обратиться к идее унии с католицизмом, где мирянам отводилось место пассивных пасомых и, соответственно, никакие проблемы с покушением на высокий сан архиерея там изначально невозможны.

То есть добрые намерения братств привели к противоположным результатам?

Излишняя их активность, безусловно, испугала епископат и спровоцировала на сближение с Римом. Рим откликнулся быстро, с глубоким энтузиазмом. Всех, кто хотел, приняли без каких бы то ни

было обязательств. Изменения во внешней обрядности и в духовных практиках были минимальные: поминовение римского первосвященника и филиокве. Всё.

***

Мы говорили на конференции в основном о братствах девятнадцатого века, надеюсь, что через год будем вспоминать послереволюционные братства. Безусловно, братства могут не привести к возникновению открытого конфликта. Можно говорить о том, что возрождение идеи братств в России во второй половине девятнадцатого века было связано с духовным кризисом православия в Русской православной церкви. Тем не менее, естественно, нельзя говорить о том, что революция 1917 года – это результат деятельности братств. Нет. Появление активных движений мирян никак не предопределяет внешнего конфликта или обострения существующей ситуации. Да, в условиях конца шестнадцатого века такая ситуация возникла, но те же самые братства на украинско-белорусских землях достаточно быстро оценили последствия в том числе и своей деятельности. Все долгосрочные планы оздоровления православной церкви, все излишние программы по контролю над епископатом были свёрнуты, братства перешли именно к защите православия. И на настоящий момент братства Киевской митрополии известны не своими планами преобразования или развития православной духовности, а своей деятельностью по защите православия. Но начинали они не с этого.

То есть проблема возникла, когда братства занялись контролем епископата?

Да, каждый хорош на своём месте. Как только братства попытались вмешаться в структуру управления Киевской митрополии, результат оказался катастрофическим для всех. С чего началась Брестская уния, почему епископы подписали прошение в Рим? Епископ Львовский Гедеон (Балабан) подписал её, потому что его довели до такого состояния, когда он был готов подписать унию с кем угодно.

С участниками конференции беседовала Анастасия Наконечная
Фотограф: Александр Волков

Пустыню надо очеловечивать

Интервью с Феликсом Разумовским, историком, тележурналистом, автором и ведущим программы «Кто мы?»

Феликс Велиевич, в последнее время мы занимаемся осмыслением того, что произошло за эти сто лет и почему это произошло. Хотелось бы спросить у Вас о том, как можно говорить об этом людям таким образом, чтобы у них рождалась какая-то надежда, – но надежда, не противоречащая правде.

Я не знаю, откуда возникает сегодня серьезный и угнетающий пессимизм, потому что, слава Богу, эпоха гонений на веру и церковь Христову позади, и мы не находимся в ситуации новомучеников. Мы собираемся, обсуждаем все наши проблемы. Проблем много, потому что русская жизнь в целом представляет собой на сегодняшний день просто руины, развалины. Но при этом мы – свободные люди. «С нами Бог, кого убьют?» – вот и всё. Просто предстоит очень много всяческой работы – не только руками, но и головой. С тем, что мы видим вокруг, должна прежде всего как-то справляться именно наша мысль.

Вообще главная проблема сегодняшней русской жизни – это проблема мировоззрения: как смотреть на окру-

жающую жизнь, как её описывать, как её воспринимать, как воспринимать нашу историю. Потому что часто мы смотрим на это совершенно неправильно, так сказать, не «умными глазами». Наше зрение (и мировоззрение!) изуродовано не только идеологией XX века, но и либеральным проектом 1990-х. И то, и другое является для нас, православных христиан, неприемлемым. То есть мы, христианское общество, должны предложить другое видение, а значит, другой язык, другую мысль и другое восприятие истории. Ну, и современности, конечно.

Но ведь христиане должны быть каким-то образом собраны, чтобы представлять собой общество?

Безусловно. Пока это не очень получается. Пока мы пребываем в пустыне постсоветской жизни. Я говорю о пустыне в духовном смысле. Это не место, где вообще ничего нет, один песок, как в какой-нибудь аравийской или египетской пустыне. В нашей «пустыне» стоят дома, магазины, офисы... машины ездят. Но вокруг нет ничего человеческого. И красоты нет. Вот куда мы попали: на пространстве русской земли осталось очень мало человеческого.

На Рождественских чтениях тоже говорили о том, что не осталось красоты.

Да, это говорит о масштабе наших потерь и о характере разрушения русской жизни.

Есть храмы, мы их изо всех сил строим и восстанавливаем. Однако в пустыне могут жить и жили только подвижники. Для человека, не ушедшего от мира, это испытание предельное. Далеко не каждый имеет дар его выдержать. Мы же в большинстве своём вовсе не пустынножители; но обитая в городах, деревнях, поселках, мы каким-то образом ввергли себя в эту ситуацию – мы создали на русской земле пустыню. И нам надо из этой ситуации выбираться. Значит, должно появиться христианское общество, живая христианская культура. Мы должны вместе серьёзно обсуждать нашу жизнь. Не так, как это происходит в большинстве СМИ, где даётся бессодержательная информация и возникает иллюзия, что мы всё знаем. На самом деле то, что мы постоянно слышим вокруг, – это просто шум, и мы совершенно не понимаем, что происходит.

Значит, наша надежда в том, что появятся такие христианские силы, которые смогут что-то менять, как отшельник-аскет в этой пустыне?

Он очеловечивает пустыню. А дальше вокруг монастырей прилепляются крестьяне, возникают деревни, хозяйства... Только так. Пустыню надо очеловечивать.

Беседовала Мария Цыбульская

1914–1917: начало конца

Из доклада сопредседателя Международного Ильинского комитета А.М. Шарипова «1914–1917: единство процесса крушения европейской христианской цивилизации»

Разговор о Русской Катастрофе необходимо начинать не с 1917, но как минимум с 1914 года. Ибо Катастрофа произошла вовсе не мгновенно; но и не накапливалась веками, как любят говорить некоторые конспирологи. До начала Первой мировой войны трагическая развязка не была так фатальна, с началом межхристианской бойни – почти неизбежна.

***

Добросовестное изучение материалов, связанных с раздуванием русско-германского конфликта, показывает, что не только революционные радикалы вели антигерманскую пропаганду, чтобы подорвать доверие к династии, но и русская буржуазия недолюбливала немцев, которые с Екатерининских времён были хорошо организованы в России и предпочитали сами управлять предприятиями и капиталами, в отличие от французов, бельгийцев и иных, передоверявших управление русским приказным¹. Известно и о притеснении закарпатских русин в Австро-Венгрии, о событиях 1913 года, когда среди карпатских русин начался голод и помогающее им Галицко-Русское благотворительное общество активно публиковало в русской прессе антиавстрийские материалы. Тем не менее, я не нашёл никаких причин неизбежности славяно-германской резни из-за стравливания этих народов англосаксами.

Мне немало пришлось поработать с биографическими материалами Великой княгини Елизаветы Фёдоровны². Когда после длительного перерыва она в начале XX века посетила родной Дармштадт, то была потрясена тем, насколько её германские земляки стали «яркими проповедниками милитаризма, завоевательной системы во что бы то ни стало»³. Тем не менее, германский Император Вильгельм II был убеждён, что Германия ни при каких обстоятельствах не должна воевать с Россией, ибо считал, что такая война окажет услугу социалистам-интернационалистам в их стремлении довести Россию и Германию до революции. Потому Германия осознанно искала как экономического, так и

военно-политического союза с Россией в противовес основному континентальному конкуренту – Франции и островной Англии. Но ещё с правления Императора Александра III российская геополитика меняла ориентацию с императорской Германии на революционную, республиканскую Францию.

***

У меня постоянно возникает вопрос к тем, кто указывает на неизбежность столкновения России и Германии из-за мasonicких козней: как же сами христианские монархи (у всех славян и германцев были в то время монархические государства), которых с младенчества готовили к государственному правлению, у которых в распоряжении был мощный государственный аппарат – дипломатические, разведывательные, жандармские структуры, как они оказались неспособными увидеть «происки врагов» и повели свои страны по указанным этими врагами путям к краху своих наций и государств? Возникает и такой вопрос: в защиту каких единоверцев выступила революционно-атеистическая Французская Республика, до того противившаяся строительству русского православного храма в Палестине?

Хотел бы напомнить, что в предыдущие десятилетия уже были кровавые трагедии с гибелью династических лиц в Европе. Однако убийство итальянским террористом австрийской императрицы Елизаветы не привело к войне Италии с Австрией, как не привели к войнам убийства итальянского короля Умберто, сербского короля Александра, португальского короля Карлуша. Выстрел же в Сараево вызвал лавину, которую почему-то не смог остановить ни один христианский монарх.

...Да, сербам надо было лишь понять австрийскую боль и унижение, русскому Императору надо было дать обещание остановить мобилизацию и выполнить обещание, германскому Императору надо было понять последствия его ноты...

Но – бездна разверзлась. Ни у кого блицкрига не получилось. К началу 1917 года в Русскую армию было призвано 15 миллионов мужчин – 15 миллионов (!!!) оторванных от семей вооружённых мужчин извелади, что значит пролить кровь человеческую, убивать себе подобных...

***

В начале декабря 1916 года Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, гонимая тяжёлыми предчувствиями, поехала из Москвы в Царское Село, чтобы встретиться с Императором Николаем II и серьёзно поговорить о глубоком социальном напряжении. Она не была принята Императором, лишь встретилась с сестрой, Императрицей Александрой, однако та ничего не хотела слышать о тяжести положения и они простились, так и не начав серьёзного разговора.

Безрезультатно вернувшись в Москву, Елизавета Фёдоровна едет в Троицкую Лавру. После сугубой молитвы у святого Сергия, 29 декабря, в канун нового, 1917 года она отправляет Императору Николаю II пись-

мо: «Почему вы все, дорогие мои, молчите?... Возможно, временами я бывала резка, но всегда прямодушна, и я считаю трусостью умалчивать о том, что знаешь или чувствуешь, из боязни быть непонятой или причинить страдание. Я высказала Аликс все мои опасения, мою боль, которой переполнено моё сердце. Казалось, будто всех нас вот-вот захлестнут огромные волны, и в отчаянии я бросилась к вам – которых я так искренно люблю, – чтобы предупредить вас, что все классы – от низших и до высших, и даже те, кто сейчас на фронте, – дошли до предела!.. Она мне велела ничего не говорить тебе... и я уехала с чувством, встретимся ли мы ещё когда-нибудь... Какие ещё трагедии могут разыграться? Какие ещё страдания у нас впереди?»

...Через два месяца монархия пала. Война сделала своё дело: Россия потерпела Катастрофу.

***

Основными участниками Первой мировой войны были государства Европы с традиционно-христианской идентичностью – Австро-Венгрия, Германия, Россия, Сербия, Франция и др. И если беспристрастно всматриваться в хронику низвержения мира в бездну, поражаешься отсутствию у участников мировой бойни здравого смысла в оценке перспектив войны. Ужасен ход войны – гибель более десяти миллионов человек, в массе своей христиан. Апокалиптически трагичны итоги и последствия: рождённые войной революции прекратили доминирование христианского мира на планете. Начинаясь совершенно новая эпоха в жизни не только европейской цивилизации, но и мира в целом.

Смогут ли современные нации Европы, в том числе России, осознать смысл Катастрофы и вернуться к религиозному, христианскому миропониманию, смогут ли через исторические уроки узреть перспективу цивилизации и место своих наций в творчестве исторического бытия, вернуться на путь духовного и культурного саморазвития? Или же станут «навозом» для заселяющих их исторические «пастбища» иных народов, обладающих фундаментом традиционных, религиозных ценностей, ясным пониманием своих исторических перспектив? Сложный вопрос, но это вопрос жизни и смерти наций-цивилизаций...

Доклад был прочитан на секции Рождественских чтений «1917 год и Русский путь»

¹ См.: Бовыкин В.И. Французские банки в России: Конец XIX – начало XX в. М., 1999; Зак А.Н. Немцы и немецкие капиталы в русской промышленности. СПб., 1914.

² Марфо-Мариинская обитель милосердия: 1909–2009: К 100-летию создания Обители. М., 2009.

³ См.: Нестеров М.В.: О пережитом. 1862–1917 гг.: Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2006.

Движущей силой переворота 1917 года стали призванные под ружьё, но морально не готовые воевать новобранцы. Большинство же строевых офицеров и солдат, способных переносить тяготы войны, к этому времени уже погибли

Март 1917: отречение

Добровольное (а иногда не совсем добровольное) отречение монархов от престола происходило в новой истории не один раз. Начиная с XVI века в Европе случилось не менее 20 отречений, в основном в XIX веке. Однако в России (если не считать несчастного внука Петра Великого, Петра III, процарствовавшего 186 дней и умершего через неделю после насильственно вырванного у него заговорщиками манифеста об отречении), это было не в обычае и даже не предусматривалось законом¹. И подавляющему большинству участников революционных событий февраля 1917 года мысль о самой возможности отречения императора пришла в голову далеко не сразу.

Первые мысли об отречении

Конечно, среди людей, находившихся в дни февральского переворота в Таврическом дворце (ставшем относительно легитимным центром бунта), были те, кто давно уже думал или о свержении монархии в принципе (представители «революционной демократии»), или о свержении правящего монарха и о переходе власти, например, к его малолетнему сыну при регентстве вел. кн. Михаила Александровича. Из наиболее влиятельных фигур к сторонникам последнего плана относился Александр Гучков². В течение последних нескольких месяцев он планировал переворот (что им не особенно и скрывалось) и лишь немного не успел с осуществлением своего плана – стихийные события февраля опередили его.

Однако в прямые или опосредованные (через начальника штаба главнокомандующего ген. М.В. Алексеева³) контакты с императором, который с раннего утра 28 февраля (напоминаем, что все даты здесь и далее приводятся по старому стилю. – *Ред.*) находился в поезде и практически без связи, выходил в это время из Петрограда не Гучков, а прежде всего председатель Временного комитета Государственной думы монархист М.В. Родзянко⁴. По мнению Солженицына, первые мысли об отречении пришли в голову Родзянко днем 1 марта, когда ему сообщили, что Совет рабочих депутатов снял свои возражения против поездки Родзянко на встречу с императором⁵, и от Государя с пути тоже пришло согласие на встречу. Вот как описаны размышления

председателя временного комитета Государственной думы в «Красном Колесе»: «Ото всей России, ото всего народа он должен привезти заматаваемую императору простое ясное решение: ответственное министерство. И во главе его – Родзянко. Ну, и какие-то поправки к конституции (курсив везде наш. – *Ред.*).

Хотя... Хотя размах событий таков, что стали тут тихо поговаривать уже и о передаче престола Алексею».

(Здесь важно помнить о том, что очень многие лидеры Февраля были сторонниками монархии (правда, конституционной), и несмотря на общее недовольство фигурой монарха вовсе не собирались немедленно устанавливать республиканское правление.)

Основные события первого марта

Говоря о хронологии событий, необходимо отметить две важные вещи. Первое: информация из одного места в другое переходила с огромным опозданием, а события разворачивались стремительно, так что о том, что описано ниже, одни действующие лица знали, а другие нет, и решения принимались отчасти «с закрытыми глазами». Второе: рассказывая друг другу по телефону и телеграфу о происшедшем в те дни, многие их участники оценивали события неадекватно, иногда лукавили, иногда откровенно лгали. Нужно сказать, что и сегодня доступные нам источники частично противоречат друг другу в описании хронологии и сути событий этих дней, и в зависимости от того, какой источник брать за основу, могут меняться акценты в освещении происшедшего. С этим отчасти связаны суще-

ствующие до сих пор разногласия, вплоть до отрицания самого факта отречения.

День

В Кронштадте бунт. Убит адмирал Вирен, рабочие и матросы ходили не стихийно, а организованно, со списком, арестовывали офицеров (и многих убили).

В Москве по всему городу демонстрации, волнения охватили и войска, но демонстрации преимущественно мирные, убийств, таких, как в Петрограде, практически нет.

В Петрограде к Таврическому дворцу великий князь Кирилл Владимирович привёл возглавляемый им гвардейский экипаж (военно-морскую часть русской гвардии).

Вечер

Псков (в этом городе находится ставка главнокомандующего армиями Северного фронта): около 20.00 императорский поезд остановился на запасном пути псковского вокзала.

Царское Село: генерал Иванов, военный диктатор, посланный с войсками усмирять бунт в Петрограде, прибыл из Могилёва (прошло 2 дня с его назначения). К нему приехали два генштабиста (ставшие членами военной комиссии в Таврическом) и уверили, что в Петрограде всё уже мирно. По просьбе императрицы ген. Иванов приезжал во дворец и беседовал с ней. Последние два дня она ничего не знала о местонахождении и судьбе императора.

Петроград, Таврический дворец: группа солдат, введенная в исполком по настоятельной просьбе наполненных коннату совета рабочих депутатов мятежных «запасных», составила вместе с Н.Д. Соколовым⁶ «Приказ №1» – документ, который вскоре разрушит армию⁷.

Согласие на «ответственное министерство»

Как мы уже не раз писали, одним из главных требований Прогрессивного блока, составлявшего большинство в Государственной думе, было создание «ответственного министерства», передача власти «людям, облечённым общественным доверием». Это требование многократно повторялось в прессе и для многих стало ключевым в восприятии противоречий между властью и обществом.

По сведениям, которые поступали в Ставку к 1 марта, стало ясно, что правительство в столице больше нет: министры разошлись, а часть из них арестована. Поэтому начальник штаба генерал Алексеев (на котором лежала особая ответственность в отсутствие Верховного главнокомандующего – императора,

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев (1857–1918)

ехавшего в то время в поезде по непонятному маршруту и находившегося подолгу без связи) решил вечером послать телеграммой свое предложение о выходе из кризиса. Единственной возможностью сдержать анархию и не допустить разложения армии ген. Алексеев считал соглашение с «думскими деятелями, руководимыми Родзянко» (это мнение основывалось на информации, поступавшей по прямому проводу от Родзянко и далеко не всегда соответствовавшей действительности – так, Родзянко сообщал, что в городе всё уже мирно, что он сам полностью контролирует ситуацию и т. д.). Генерал Алексеев предлагал государю подписать Манифест, начинающийся словами:

«Грозный и жестокий враг напрягает последние силы для борьбы с нашей родиной. Близок решительный час. Судьбы России, участь героической нашей армии, благополучие народа, всё будущее дорогого Нам Отечества требует доведения войны во что бы то ни стало до победного конца.

Стремясь сильнее сплотить все силы народные для скорейшего достижения победы, Я признал необходимость призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России...»

Около 11 часов вечера эта телеграмма была передана – для вручения императору – ген. Рузскому⁸, главнокомандующему армиями Северного фронта, встретившему в 8 часов вечера литерный поезд во Пскове. К этому времени уже несколько часов продолжался тяжёлый разговор между Рузским, жёстко настаивавшим на ответственном министерстве, и императором, видевшим в таком решении проявление со своей стороны безответственности: передача власти людям, которые не имеют навыка управления, могла, по его мнению, роковым образом сказаться на судьбе страны (что, собственно, и произошло в течение 1917 года).

После того, как стало ясно, что в своём настойчивом совете уступить давлению и назначить ответственное министерство единоголосны ген. Алексеев и ген. Рузский, всегда и во всём несогласные и находившиеся в крайне неприязненных отношениях, император попросил дать ему подумать в одиночестве. После полуночи он передал для пересылки текст телеграммы ген. Алексееву – что согласен на предложенный текст манифеста, на создание ответственного министерства. Императором была написана и телеграмма ген. Иванову – ничего пока что не предпринимать, а также отправлено указание отозвать посланные в распоряжение военного диктатора войска разных фронтов. Фактически это означало отказ бороться за власть. Никому не хотелось устраивать в стране кровавую междоусобицу, начинать гражданскую войну – никому, кроме политэмигранта Ленина⁹. Но тот пока что находился в Цюрихе, никакой революции не ждал и даже не знал, что она уже произошла.

Основные события

Ночь с 1 на 2 марта

0.20 ночи: в Царское Село ген. Иванову приходит телеграмма от императора: ничего не предпринимать до распоряжения государя. От 1 до 2 часов ночи поезд ген. Иванова с Георгиевским батальоном отъезжает от Петрограда, переместившись на 3 км – из Царского Села в Вырицу.

С 12 до 3 часов ночи: в Петрограде, в Таврическом дворце, проходят переговоры нескольких членов исполкома совета с несколькими членами временного комитета Думы, предпринята попытка выработать соглашение между двумя сложившимися к этому времени центрами власти на основе требований исполкома.

2.30–3.30 ночи (по другим сведениям 3.30–7.30): в разговоре по прямому проводу между Главным штабом и штабом Северного фронта ген. Рузский сообщает М.В. Родзянко, что император подписал манифест об ответственном министерстве. Родзянко отвечает: «Уже поздно! Народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убивают своих офицеров; ненависть к Государыне Императрице дошла до крайних пределов... считаю нужным Вас осведомить, что то, что предполагается Вами – недостаточно и династический вопрос поставлен ребром...»¹⁰

3 часа ночи: А.И. Гучков приезжает в Таврический дворец. В разговоре с членами временного комитета Думы (члены исполкома Петросовета к этому времени уже ушли к себе) настаивает на том, что нужно немедленно требовать отречения

В.А. Серов. Портрет императора Николая II («портрет Николая II в серой тужурке»). 1900 г. Оригинал полотна был уничтожен в 1917 году, до нас дошла авторская копия, хранящаяся ныне в Третьяковской галерее

Николая II в пользу сына (и таким образом спасти династию). Вызывается сам ехать (втайне от «советских») в Псков для встречи с императором; вместе с ним вызывается ехать В.В. Шульгин¹¹.

4 часа ночи: из Пскова ген. Рузский пересылает конспект своего разговора с М.В. Родзянко и текст манифеста об ответственном министерстве в Ставку и советует пока не рассылать манифест (видимо, придётся готовить другой...)

Утро 2 марта

Могилёв, Ставка: генерал Алексеев в 10.15 рассылает главнокомандующим фронтами телеграмму, в которой просит их отозваться, если они согласны с мыслью, что единственный выход из ситуации теперь – отречение императора (существуют разногласия по поводу того, сделал он это самовольно или по не сохранившемуся распоряжению Николая II). Позже в Ставке начальник дипломатической части вице-камергер Н.А. Базили начинает по поручению ген. Алексеева составлять текст предполагаемого манифеста об отречении.

Царское Село: из дворца потихоньку, почти без офицеров и без знамени ушли охранявшие его две роты гвардейского экипажа: они подчинились приказу своего начальника великого князя Кирилла Владимировича (он перешёл на сторону «новой власти»); дворец остаётся практически без охраны посреди уже бунтующих гарнизонов Царского Села. Обергофмаршал императорского двора графу Бенкендорфу доложили, что ночью генералу Иванову через дворцовый телеграф приходила телеграмма от императора, и он во Пскове. Вскоре приходит прямая телеграмма от самого императора, первая за двое суток¹².

Псков: Рузский докладывает императору о ночном разговоре с Родзянко, о мнении последнего: необходимо отречение. Зачитывает телеграмму ген. Алексеева главнокомандующим.

Два отречения

Первое отречение (в пользу сына)

Днем 2 марта, около половины третьего, ген. Алексеев передал из Ставки в Псков ответы главнокомандующих. Дядя императора, великий князь Николай Николаевич (Кавказский фронт) писал: «...Я, как верноподданный, считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопоклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему – Ваше наследие. Другого выхода нет». В телеграмме генерала Брусилова (Юго-Западный фронт) говорилось: «...единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадёт, – отказаться от престола в пользу Государя Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Другого исхода нет». Генерал Эверт (Западный фронт) писал: «...не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения Родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной думы».

Прочитав эти единогласные советы, император согласился отречься. Он принес Рузскому два заполненных бланка телеграмм:

«Наштаверх (Начальнику штаба Верховного главнокомандующего. – Ред.). Ставка.

Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына.

Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай».

«Председателю Государственной Думы.

Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки-России. Посему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына с тем, чтобы он остался при Нас до совершеннолетия, при регентстве брата Моего Великого князя Михаила Александровича.

Николай».

Бланки телеграмм забрал Рузский.

Было три часа пять минут пополудни.

За десять минут до этого в Петрограде П.Н. Милюков вышел в холл Таврического дворца, чтобы объявить о создании Временного правительства. И когда ехидный голос из толпы спросил, что будет с династией, Милюков под бурные аплодисменты ответил: «Старый деспот, доведший Россию до границы гибели, добровольно откажется от престола или будет низложен!»

Две дневные телеграммы из Пскова с согласием императора отречься в пользу сына так и не были отправлены. Чины свиты, потрясенные неожиданным для них известием об отречении, дружно настояли: нужно забрать телеграммы у Рузского обратно.

Второе отречение: в пользу брата

В четвертом часу дня лейб-хирург императорской семьи профессор С.П. Фёдоров¹³ по собственной инициативе, как врач, направился к государю. Состоявшийся между ними разговор известен из воспоминаний состоявшегося в то время в свите полковника Мордвинова. «Было около четырёх часов дня, когда Сергей Петрович вернулся обратно в свое купе, где большинство из нас его ожидало, – пишет Мордвинов. – Он нам сказал, что вышла перемена, и что всё равно прежних телеграмм теперь нельзя посылать: “Я во время разговора о поразившем всех событии, – пояснил он, – спросил у государя: – «разве, Ваше Величество, Вы полагаете, что Алексея Николаевича оставят при Вас и после отречения?» – “А отчего же нет? – с некоторым удивлением спросил государь. – Он ещё ребенок и естественно должен оставаться в своей семье, пока не станет взрослым. До тех пор будет регентом Михаил Александрович”. “Нет, Ваше Величество, – ответил Фёдоров, – это вряд ли будет возможно, и по всему видно, что надеяться на это Вам совершенно нельзя”. Государь, по словам Фёдорова, немного задумался и спросил: “Скажите, Сергей Петрович, откровенно, как Вы находите, действительно ли болезнь Алексея такая неизлечимая?”... “Ваше Величество, наука нам говорит, что эта болезнь неизлечима, но многие доживают при ней до значительного возраста, хотя здоровье Алексея Николаевича и будет всегда зависеть от всякой случайности”. “Когда так, – как бы про себя сказал государь, – то я не могу расстаться с Алексеем. Это было бы уж сверх моих сил... к тому же, раз его здоровье не позволяет, то я буду иметь право оставить его при себе”¹⁴,¹⁵...

В десять часов вечера во Псков наконец приехали выехавшие в три часа дня из Петрограда Гучков и Шульгин. Они вошли в императорский вагон, а чуть позже к ним присоединился ген. Рузский. Все четверо сели за маленький столик, и Гучков долго рассказывал о ситуации в Петрограде, о том, почему необходимым стало отречение. Разговор записывал свитский генерал Нарышкин, начальник военно-походной канцелярии, так что сохранился протокол. Из него следует, что объявленное практически сразу в ответ решение императора отречься за себя и за сына стало неожиданным для Гучкова и Шульгина (все рассчитывали на то, что образ мальчика-царя смягчит народ). В одном из сохранив-

шихся воспоминаний рассказывается, как в поезде стали искать свод законов, чтобы понять, может ли отец-опекун отречься за сына, и не нашли в нём подтверждения такой возможности¹⁶.

Гучков, которого в последние годы разделила с царем жёсткая вражда (а когда-то отношения были теплыми), в какой-то момент пожалел его и уступил: «Ваше Величество, у Вас заговорило человеческое чувство отца и политике тут не место, так что мы ничего против Вашего предложения возразить не можем».

Думцы постарались развеять и сомнения императора в том, остановит ли такой манифест кровопролитие.

Текст манифеста был подготовлен в течение дня в Ставке, и его просто немного исправили. Император по просьбе думцев на всякий случай подписал его в двух экземплярах (Гучков и Шульгин не были уверены, что сумеют сберечь документ в мятежном Петрограде), и подпись государя заверил граф Фредерикс. Это произошло незадолго до полуночи 2 марта, но на манифесте было поставлено время 15.00 – то время, когда было принято решение...

После отречения

Около часа ночи царский поезд отправился из Пскова в Ставку, в Могилёв: отрёкшийся император хотел попрощаться с войсками. По дороге он отправил брату телеграмму: «Петроград. Его Императорскому Величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники». Однако к началу разговора с членами временного комитета Думы, состоявшегося утром 3 марта, Михаил Александрович эту телеграмму ещё не получил. В ходе этого разговора А.И. Гучков и П.Н. Милюков уговаривали Михаила Александровича принять престол и спасти монархию, остальные выступали резко против этого или сомневались; одним из аргументов против было то, что невозможно обеспечить безопасность новому императору. В результате этого и других соображений вел. кн. Михаил отрёкся от престола¹⁷. Форма этого отречения не давала возможности взойти на трон следующим за ним представителям династии; кроме того, это отречение легализовало Временное правительство¹⁸.

3 марта¹⁹ Исполком совета рабочих и солдатских депутатов постановил: 1)... арестовать династию Романовых... 2) По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии. 3) По отношению к Николаю Николаевичу, ввиду опасности арестовать его на Кавказе, предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое над ним наблюдение. 4) Арест женщин из дома Романовых производить постепенно...

8 марта вследствие жёсткого давления исполкома на Временное правительство императрица была арестована в Царском Селе, а император – по пути из Ставки в Царское Село.

В августе семью бывшего императора перевезли в Тобольск, а в апреле 1918 года – в Екатеринбург. В ночь с 16 на 17 июля 1918 года отрёкшегося императора, его супругу, их пятерых детей – Ольгу (22 года), Татьяну (21 год), Марию (19 лет), Анастасию (17 лет) и Алексея (13 лет), доктора Боткина и трёх слуг убили в подвале Ипатьевского дома «во исполнение постановления исполкома Уральского областного Совета рабочих, крестьян-

Член Государственного совета А.И. Гучков (1862–1936)

Член временного комитета Государственной думы В.В. Шульгин (1878–1976)

ских и солдатских депутатов» (возглавлявшегося большевиками) сотрудники местной ЧК. Достоверно не установлено, но большинством историков считается очевидным, что расправа происходила с санкции Ленина (председателя Совета народных комиссаров РСФСР) и Свердлова (в тот момент председателя Всероссийского ЦИК).

В своих воспоминаниях полковник Мордвинов пишет: «Находясь уже в далекой Сибири, <государь>, по свидетельству ближайших лиц, не переставал волноваться виной своего послешного отречения. Он не мог не мучиться сознанием, что его уход, вызванный “искренними” настояниями “горячо любящих родину” людей, не послужил на пользу, а лишь во вред свято им чтимой России»²⁰.

***

Когда этот текст был опубликован на сайте газеты – чуть раньше, чем мы подготовили номер к печати, – читатели стали в личном разговоре спрашивать меня: ну хорошо, а в чём главный смысл этих событий? Непонятно, что думает автор, текст как будто заканчивается вопросом...

Поэтому решаю всё-таки сказать, что я думаю о событиях, кратко описанных выше.

Когда я старалась свести их в краткую хронологию, проверяла согласованность разных свидетельств и всё больше и больше погружалась в воспоминания разных людей об этих двух днях, меня охватила глубокая печаль. Такая глубокая, что в неё действительно можно было погрузиться с головой. Можно сколько угодно говорить, что собственно от отречения ничего не зависело, всё равно всё уже было разрушено; или, наоборот, что решение императора было роковым для страны, что он проявил непростительное легкомыслие, предпочёл интересы семьи интересам страны – и погибли и семья, и страна; но для себя я поняла: все равно именно эту часть истории можно вспоминать с сочувствием и грустью, а не со стыдом и ужасом (как придется вспоминать очень многие события, уже происходившие в те дни и нараставшие после этого в течение долгого времени). Да, невозможно закрывать глаза на ошибки нашего последнего царя, и прославлен церковью он не за свою политическую деятельность – а во многом несмотря на нее. Но эти ошибки были очень человеческими. Скоро, очень скоро на смену ему и даже тем, кто склонял его к отречению, придут другие исторические деятели – **нечеловеческие**, «железные» и «стальные». А пока, глядя на лица тех людей, о которых мы здесь рассказываем, даже на очень виноватого, по общему мнению, генерала Рузского, можно вспоминать о том, что никто из них не заслуживал той клички, которую так старались приложить к деятелям гибнущего строя социалисты. Никто из них не был кровавым. Кровавые – придут позже.

Материал подготовила Александра Колымагина

¹ Сын Петра III и Екатерины II – Павел I – установил закон о престолонаследии, который должен был исключить какие бы то ни было сомнения о том, кто становится следующим императором после скончавшегося, а также возможность тех или иных спекуляций (и весь XIX век наследование шло по прямой линии: от старшего бездетного брата к младшему или от отца к сыну). Закон предусматривал возможность отречения кого-то из наследников, но не рассматривал возможность отречения действующего императора (хотя и не запрещал этого).

² Александр Иванович Гучков – выходец из московской старообрядческой купеческой семьи. Муниципальный деятель, благотворитель, предприниматель и чиновник. Продвигаясь по лестнице карьерных чинов, получил личное, а затем и потомственное дворянство. Осенью 1905 года стал одним из основателей партии «Союз 17 октября» (октябристов) и возглавил её 29 октября 1906 г. Был сторонником правительства П.А. Столыпина, которого считал сильным государственным лидером. В 1910–1911 гг. был председателем Государственной думы. В марте – мае 1917 года был военным и морским министром в первом составе Временного правительства. Во время гражданской войны налаживал работу военно-промышленных комитетов, консультировал А.И. Деникина по политическим вопросам. Умер 14 февраля 1936 года в Париже.

³ Генерал М.В. Алексеев – сын бывшего солдата сверхсрочной службы, выслужившегося в фельдфебеля, а потом и в офицеры. Существуют разногласия историков насчет подоплеки участия ген. Алексеева в событиях 1–2 марта; однако сам император ни в чем его не винил и в дневнике продолжал называть «добрым Алексеев». В 1917–1918 гг. был

Верховным руководителем Добровольческой (Белой) армии. Скончался 8 октября 1918 года от воспаления легких в возрасте 60 лет.

⁴ М.В. Родзянко – сын крупного екатеринославского помещика, лидер партии Союза 17 октября (октябристов), председатель III Государственной думы (с 1911 года, сменил на этом посту А.И. Гучкова) и IV Государственной думы (1912–1917 гг.). С 27 февраля – глава Временного комитета Государственной думы. После октябрьского переворота сражался в Добровольческой армии, в 1920 году эмигрировал, умер в 1924 году в Сербии.

⁵ М.В. Родзянко пытался выехать на встречу с императором ночью с 28 февраля на 1 марта, но сначала против этого выступил исполком совета, контролировавший вокзалы, а потом – другие члены временного комитета Думы; поездка так и не состоялась. Сам Родзянко тем временем был ненавязчиво отодвинут в сторону от центра событий, и переговоры о составе Временного правительства шли без его участия; главным организатором этих переговоров был П.Н. Милюков.

⁶ Н.Д. Соколов – секретарь исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

⁷ Об этом событии подробно будет рассказано в «Кифе» № 4(222).

⁸ Н.В. Рузский происходил из дворян Калужской губернии. Во время Первой мировой войны обрёл славу «завоевателя Галиции» и громкую известность в общественных, в том числе оппозиционных кругах. На самом деле был посредственным военачальником. 11 сентября 1918 года был арестован в Ессентуках красными и убит.

⁹ О роли Рузского в событиях 1–2 марта позднее и сам император, и ген. Алексеев отзывались крайне негативно. Уже в Екатеринбурге, незадолго до гибели, государь как-то по воспоминаниям близких лиц сказал: «Бог не оставляет меня, Он даст мне силы простить всех моих врагов, но я не могу победить себя ещё в одном: генерала Рузского я простить не могу». Доподлинно так и не известно, что именно стоит за этими словами.

¹⁰ «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг», – писал Ленин в первые же месяцы Первой мировой войны.

¹¹ Цитируется по изд. «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев». Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/otrech/index.php. В нашей публикации некоторые строчные буквы исправлены на прописные (издание было предпринято в советское время).

¹² В.В. Шульгин – потомственный дворянин Волынской губернии, русский политический и общественный деятель, публицист, депутат Второй, Третьей и Четвёртой Государственных дум. Один из организаторов и идеологов Белого движения. Русский националист и монархист. Вместе со многими депутатами Думы (от крайних правых до октябристов и кадетов) участвовал в создании Прогрессивного блока, в котором видел союз «консервативной и либеральной части общества», и вошёл в состав его руководства, сблизившись с М.В. Родзянко, П.Н. Милюковым и другими либеральными деятелями – своими бывшими политическими противниками. В декабре 1944 года Шульгин был арестован в Югославии агентами НКВД, вывезен в СССР и там приговорён к 25 годам заключения. После освобождения жил в инвазивном доме во Владимире. Умер 15 февраля 1976 года. Считал себя виновным в гибели императорской семьи: «молиться надо и за нас, сугубо грешных, бессильных, безвольных и безнадёжных путников. Не оправдание, а лишь смягчением нашей вины может быть то обстоятельство, что мы запутались в паутине, сотканной из трагических противоречий нашего века».

¹³ «До сих пор все телеграммы, разосланные государыней в разные города наугад, – возвращались с пометкою синим карандашом царскосельского телеграфа: “местопребывания адресата неизвестно”», – пишет об этом Солженицын. Переписка между императорским поездом и Царским Селом была переключена на военную комиссию Таврического, и привлечённые к работе в ней Гучковым генштабисты читали эти телеграммы; возможно, при этом и задерживали их.

¹⁴ После 1917 года остался в России, в 1929 году возглавил Институт хирургической невропатологии, умер своей смертью в 1936 году.

¹⁵ Некоторые историки считают именно это решение императора роковым для России и соглашаются с упреком Солженицына: Берегли – даже ценой общественного напряжения на Распутина – наследника для престола, а когда он понадобился стране как наследник, оказалось, что Берегли просто ребенка для отца и матери... Однако кажется важным, чтобы каждый, кто присоединяется к этому упреку, постарался примерить ситуацию лично к себе. Цесаревичу Алексею было в этот момент 12 лет.

¹⁶ Цитируется по изд. «Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев».

¹⁷ Сегодня двусмысленность законодательной базы является одним из оснований теории о том, что формально отречения не было, так как оно незаконно.

¹⁸ Вел. кн. Михаил Александрович после своего отречения не был, в отличие от императорской четы, арестован и жил в своем доме в Гатчине в течение всего 1917 года. 7 марта 1918 года он и лица его окружения были арестованы по постановлению Гатчинского совета и через несколько дней высланы в Пермь. В Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 года Михаил Александрович был похищен и убит сотрудниками местной ЧК и милиции.

¹⁹ До этого момента легитимен был лишь председатель Совета министров кн. Львов, назначенный распоряжением императора, датированным некоторым временем ранее часа отречения.

²⁰ Насчет этой даты существуют разночтения: приводятся также даты 5 или 8 марта, что, возможно, связано с тем, что впоследствии это решение не раз повторялось, пока исполком не добился своего; если верна дата 3 марта, она говорит о том, что вопреки распространённому мнению решение исполкома не было вызвано так и не осуществившимися планами отъезда царской семьи в Англию.

²¹ Цитируется по изд.: Из пережитого: Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II: в 2 т. / Комментар. О. И. Барковец. Т. 2. М.: Кучково поле, 2014.

Преодолеть одиночество

В каком-то смысле я умираю в бесплодии. Тем не менее это странным образом уживается во мне с благодарностью за жизнь и, что ещё удивительней, с надеждой на прощение.

С.И. Фудель. Воспоминания

Сергей Иосифович Фудель родился 31 декабря 1900 года в семье священника московской Бутырской тюрьмы – Иосифа Фуделя. Отец Иосиф был прозван заключёнными «тюремный батюшка»: он не только исповедовал и причащал их, но и заботился о них, собирал им еду и одежду. И сын его Сергей был крещён в тюремной Покровской церкви.

Семья в своей церковной жизни ориентировалась на тот опыт, который связан с Оптиной и Зосимовой пустынями, и часто бывала в этих монастырях. В то же время о. Иосиф находился в постоянном общении с людьми, представлявшими собой центр религиозной и философской жизни Москвы; среди его добрых знакомых были священник Павел Флоренский, философы Константин Леонтьев и Лев Тихомиров. Неудивительно, что ещё юношей Сергей успел побывать на заседаниях московского религиозно-философского общества.

В 1917 году он окончил гимназию и поступил в Московский университет. Вскоре для него началась череда беспрепятственных арестов.

23 июля 1922 года он был арестован за антиобновленческую деятельность и в декабре отправлен в Усть-Сысольск, а затем в Княж-Погост Усть-Вымского уезда, где отбывал ссылку до апреля 1925 года.

23 июля 1923 года в комнате ссыльного епископа Ковровского Афанасия (Сахарова) Сергей венчался с Верой Максимовной Сытиной, которая, будучи его невестой, поехала вместе с ним из Москвы в ссылку.

В 1925–1932 годах семья Фуделей жила в Москве. 1 января 1933 года Сергей Иосифович был снова арестован и приговорён к новой ссылке по обвинению в «антисоветской агитации», а также «недонесении о контрреволюционном преступлении». В феврале он был отправлен в Явенту, 30 мая сослан на лесозаготовки в лагерь под Вельском, а в июле переведён в Вологду, где находился в ссылке до января 1936 года. После Вологды до 1942 года семья Фуделей жила в Загорске, где Сергей Иосифович работал бухгалтером в артели, а затем – на заводе. В это время их дом был местом проведения тайных богослужений и пристанищем скрывавшихся от преследования священнослужителей.

Во время Великой Отечественной войны до августа 1945 года Сергей Иосифович служил рядовым в железнодорож-

ных войсках в охране воинских грузов.

17 мая 1946 года он был арестован в третий раз по делу об «антисоветском церковном подполье» и 30 ноября приговорён к пятилетней ссылке, которую отбывал сначала в Минусинске, а затем в селе Большой Улуй Красноярского края. По окончании ссылки до осени 1962 года Фудели жили в Усмани.

С 1955 года С.И. Фудель постоянно работал над книгами, ни одна из которых в те годы не могла быть опубликована. В 1956 году была закончена первая работа – «Моим детям и друзьям», в 1957 году в первоначальной редакции – «Путь отцов», в 1959–1961 году – «Церковь верных», «Свет Церкви», «Соборность Церкви и экуменизм».

В ноябре 1962 года семья переехала в Покров, город во Владимирской области, где Сергей Иосифович служил псаломщиком в Покровском храме и подрабатывал, выполняя переводы для Издательского отдела Московской патриархии (он сам знал семь языков, а его жена – пять). В Покрове в 1963 году была закончена книга «Наследство Достоевского» и началась работа над книгой об о. Павле Флоренском «Начало познания Церкви» (была издана в 1972 году в Париже издательством «УМСА-Press» без ведома автора под псевдонимом Ф. Уделов). В 1970-е годы в самиздате появились

С.И. Фудель. Фотография конца 1950-х годов

книги С.И. Фуделя «Священное Предание», «Причастие вечной жизни», «У стен Церкви», «Славянофильство и Церковь», «Записки о литургии и Церкви».

Скончался Сергей Иосифович в Покрове 7 марта 1977 года.

Воспоминания о Сергее Иосифовиче Фуделе

Юрий Кочетков. Обе фотографии (и эта, и фотография Александра Копировского) относятся ко второй половине 1970-х годов, к тому времени, когда будущий священник Георгий Кочетков со своей группой навещал С.И. Фуделя

Священник Георгий Кочетков: Благодаря библиотеке Николая Евграфовича Пестова у меня была возможность познакомиться с книгами Сергея Иосифовича Фуделя в самиздате. Я сразу обратил на них внимание. Конечно, я ничего не знал об авторе, мне само по себе имя Сергея Иосифовича ничего не говорило. Но когда я познакомился с его книгами, то стал их собирать, стал просить у Николая Евграфовича именно эти книги и просто поглощал их. Они меня увлекли, заворожили при первом же прочтении, хотелось их и потом ещё читать и читать... Мне почему-то казалось, что автора уже нет в живых (как часто бывало в советское время).

И вдруг я выяснил у Кати Соколовой (внучки Николая Евграфовича), что Сергей Иосифович жив, более того, она его знает. Для меня это было огромной радостью, потрясением – именно от неожиданности. И у меня сразу возникло желание встретиться с ним. Катя Соколова сказала, что он живёт крайне бедно, можно даже сказать – в нищете, не очень близко от Москвы, но и не очень далеко – за 101-м километром. Было понятно, почему за 101-м! Это был Покров. И тогда родилась идея к нему поехать.

А.М. Копировский: Я помню, мы привезли продукты, он открыл холодильник – пусто! Ничего. Просто пустой холодильник...

В разговоре Сергей Иосифович был очень сдержан. Не пытался дополнить свои книги. Как мне показалось, он был по складу характера тихий человек. Здоровье его было, конечно, очень сильно подорвано. И вообще, он тяжело переносил жизнь – и болезни свои, и нищенское положение – это тоже накладывало отпечаток на его личность, на общение, на его слова. Я почти не помню его улыбающимся, смеющимся.

Личная биография его исключительна. Он – сын известного в Москве священника, не только приходского, но и тюремного, человека праведной жизни. Ещё в молодости Сергей Иосифович жил в общении с церковной интеллигенцией, а потом – в общении со святыми исповедниками, новомучениками. Их с женой венчал владыка Афанасий (Сахаров), его духовным отцом был архимандрит Серафим (Битюгов). У меня хранится подаренный Сергеем Иосифовичем памятник, начатый ещё его отцом, где поминаются о здравии те, чьи имена мы сейчас читаем в святцах...

Священник Георгий Кочетков: Всё-таки, он был из потаённой церкви. Потаённая церковь не отрицала благодатности таинств сергианской церкви; они, если нужно, могли ходить в сергианские храмы, но при этом у них была своя незримая жизнь. И его сердце было там. Когда он был вне такого собрания потаённой церкви, он был не то чтобы совсем закрыт, но как бы прикрыт, его не так легко было увидеть и тем более понять, почувствовать – для этого нужно было войти в это новое пространство.

Потаённая церковь... я думаю, там он и видел преодоление одиночества. Та церковь для него всегда была общинная церковь, и я думаю, что он на этом строил и свою близость с Николаем Евграфовичем, который ведь тоже принадлежал потаённой церкви, не надо этого забывать. Неслучайно у него дома совершалась литургия; он об этом говорил нам, когда мы сидели в той комнате, в которой эта литургия совершалась много лет, с 1930-х годов. Именно там находилась библиотека Николая Евграфовича, там он принимал при закрытых, завешенных окнах людей, приходивших к нему лично. И поэтому они с Сергеем Иосифовичем были людьми одного духа. Это всё люди потаённой церкви.

А.М. Копировский: Написанная им фраза – «церковь есть преодоление одиночества»² – была для него одновременно и в некотором смысле фактом, который он ощущал реально, и в то же время пожеланием. Он видел реальность, понимал, что церковь уже не та, что в 1930-е годы; это была не церковь исповедников и мучеников, она вполне вписалась в советскую реальность. Ничто не предвещало 1991 года – от-

мены антицерковного законодательства, открытия храмов – он на это и не рассчитывал. Он больше смотрел вперёд – далеко вперёд. И поэтому он видел в современной ему церкви ростки будущего. Но, в то же время, он никогда не считал, что будет тотальный размах, масштабный подъём церкви. Нет. Он говорил: будут маленькие христианские общины, окружённые миллионами неверующих. Но эти общины будут действительно первохристианскими по духу. Вот так он видел грядущее христианство. В этом было его упование.

Первохристианство для него было не возвращением в первые века, а полнотой общения, чистотой веры, близостью ко Христу – вот что было для него важно. Он личность Спасителя воспринимал глубоко, и страшно страдал от того, что, как он считал, Христос уходит из церкви – и как икона, и как некоторая реальность; поэтому он говорил о том, что нужно искать Христа, искать общения с Ним.

Сейчас, когда его работы изданы, их восприятие как-то академизировалось. Они не читаются так, как самиздатские отдельные брошюры, которые шли на ура, воспринимались с восторгом. Боюсь, что то время во многом прошло. И сейчас совсем не хотелось бы строительства очередной гробницы пророку. Ведь вполне может получиться так, что Сергея Иосифовича будут превозносить, много говорить о нём и совершенно не читать и не обсуждать его книг, которые способны вдохновить современного человека. А ведь они питательны, они – духовный хлеб, их нужно читать и понимать. И одновременно нужно глубже понимать и его личность. Нельзя же, чтобы она пропала за его книгами.

К нему редко кто приезжал, и его семья редко могла куда-то выезжать, они испытывали большой дефицит общения. В Покрове у него был небольшой круг, но слишком ощутимой была разница духовного, да и образовательного уровня. Это не были собеседники, скорее слушатели, простые люди. И слава Богу, что отец Андрей Каменьяка, который там служил, полностью его принял и понимал очень глубоко. У них не было никаких напряжений, конфликтов. Самое большое отдохновение духовное и душевное Сергей Иосифович находил в храме. То, что он был чтецом, для него было возможностью решения многих проблем – и духовных, и душевных, и телесных.

Когда о. Андрей отпевал его, он сказал замечательную проповедь на тему Апокалипсиса – о снятии пятой печати: «И я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святыи и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились ещё на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число»³. В этой проповеди были слова: «Я могу сказать о Сергее Иосифовиче – он входил в число людей, которые пришли от великой скорби»⁴. Это было очень сильно сказано и было воспринято всеми – ведь хоронить приехала целая электричка московской интеллигенции. Все поняли, что речь идёт о гонимых от советской власти, которые он перенёс. Когда пошла похоронная процессия на кладбище (а шла целая толпа!), все пели, и было ощущение Пасхи. На шоссе останавливались машины, потому что такого никогда не было в Покрове. Водители спрашивали: «Кто это? Кого хоронят?» Это было настоящее духовное торжество. «Торжество Православия».

¹ После освобождения из лагеря бывшим заключённым можно было селиться на расстоянии не ближе 100 км от Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик и других крупных, а также «закрытых» городов.

² Слова из книги С.И. Фуделя «У стен Церкви».

³ Откр 6:9–11.

⁴ «И, начав речь, один из старцев спросил меня: сии облеченные в белые одежды кто, и откуда пришли? Я сказал ему: ты знаешь, господин. И он сказал мне: это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают ныне перед престолом Бога и служат Ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, и не будет палить их солнце и никакая зной: ибо Агнец, Который среди престола, будет пасти их и водить их на живые источники воды; и отрет Бог всякую слезу с очей их» (Откр 7:13–17).

О бесплодной смоковнице

Из проповеди протоиерея Александра Лаврина, обращенной к новоцерковленным

Братья и сёстры!
Из Евангелия мы сегодня читали, что Иисус, подойдя к смоковнице, ничего не нашёл на ней, кроме листьев.

Можно встретить разные исследования по поводу инжирных деревьев. Кто-то говорит, что когда у них есть листья, плоды тоже уже должны быть, хоть и незрелые; а на некоторых смоквах вообще круглый год бывают плоды. Но дело не в этом, ведь сам евангелист уточняет: «... ибо ещё не время было смокв» (Мк 11:13).

Нам здесь очень важно понять, что весь Ветхий Завет – это «икона» Закона, цель которой была выявить в человеке внутреннее отсутствие Божьей жизни. А следовательно, даже если внешне что-то Божие и исполняется, плода как такового все равно нет. Этот как бы подъяремный труд.

И вот парадокс: именно те, кто хотел исполнить Закон и для этого пытался вникнуть и понять его, – оказались худшими. Именно для них, в первую очередь для них Мессия оказался «лишним».

Оказалось, то, что человек делает от себя, его попытки самостоятельно исполнить Божью жизнь (в то время – Закон), увы, его только надмывает, исполняет гордостью. Казалось бы, он – делатель, исполнитель Закона. Но здесь нет главного – бескорыстия, так как оно – не свойство души, которое можно практически воспитать, а присутствие Божие в человеческой жизни.

И далее, когда смоковница уже засохла, Господь говорит: «Имейте веру Божию, ибо... если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится... но поверит, что сбудется – будет ему, что ни скажет» (Мк 11:23). В таких словах всегда есть некий прикровенный смысл кроме буквального (при этом символ никогда не противоречит буквальному смыслу). Ведь самая большая гора, которая должна в человеческой жизни «рухнуть», быть ниспроверженной – это собственная персона, на которой каждый человек замкнут. В этом-то и есть «падшесть» человеческая. В соответствии с ней главной по естеству для нас является не Божия воля, а своя, и свои же чувства и желания. И как бы мы ни хотели – пусть даже изо всех сил! – мы не можем эту гору сдвинуть. Только любовь, которую явил Сын Божий, воплотившись, став Человеком, может это сделать. Мы

всё время в Евангелии встречаем Его совершенное отвержение Себя, забвение Себя ради других – вообще говоря, ради любого встречного-поперечного, кто ни попадётся Христу на пути.

В нас же эта «гора» не может пасть сама по себе, силами человеческими. Об этом как раз и свидетельствует весь Ветхий Завет, Закон и ветхозаветное чаяние, ожидание исполнения обетованных. Для этого нужна иная Скиния, которая явилась в мир, чтобы родиться в нас. Вот как сказал об этом преп. Симеон Новый Богослов: человек для того и становится христианином, чтобы в нём родился Христос, как в Деве. Добавим – родился бы как благодатная жизнь. Об этом же слова апостола: «Разве вы не знаете, что вы храм Божий, и Дух

Бесплодная смоковница. Сербия, XIV в.

Божий живёт в вас?» (1 Кор 3:16).

И в этом свете я хочу обратить ваше внимание на самое первое слово, с которым вышел на проповедь Иоанн Предтеча: «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Часто это понимается так: покайтесь, и точка! А в результате происходит большая ошибка в духовной жизни, отчасти похожая на ту, что была у исполнителей Закона в Ветхом Завете. Человек начинает главный упор делать на то, что он должен покаяться, чтобы бороться с грехами. Да, с грехами обязательно надо бороться, безусловно, но они не должны заместить собою Бога. При таком подходе Бог становится лишь инструментом для очищения. Но перед мысленным взором христианина должен находиться Господь, а не грехи. К Нему мы должны быть обращены, тогда совестью увидятся и грехи, которые нас разделяют с Ним и с людьми, ведь грехи – лишь свидетельство бытия человека без Бога, Его отсутствия в нашей жизни. Грех в

таком случае и есть моё царство, он и есть моя воля. Конечно, покаяние – это первое, что от нас требует совесть. Но не на общечеловеческую мораль нам для этого нужно смотреть, а нужно смотреть на слово и на жизнь Господа, быть перед Его Лицом. Это возможность возвращения к Новой Скинии. А Его ответ – это «сокрушённый дух» в человеке.

В Евангелии написано: «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное», что в принципе можно прочитать так: «покайтесь, чтобы в вас родилось Царство Небесное». Цель только одна: чтобы в моей душе я уступил престол настоящей Скинии, которая Кровью Своей, как говорит апостол Павел, может очистить «совесть нашу от мёртвых дел» (Евр 9:14). Без Бога наши дела только таковы – они мёртвые. Без Него не может быть бескорыстия – чистой жертвы – отдачи себя до конца другим.

В реальной жизни это проявляется в нас как некое «агрегатное» состояние. К добрым делам примешивается тщеславие, к худым – самооправдание. И это для нас органично, происходит автоматически, по внутреннему закону, которым мы живём.

Без Христа всегда так. Поэтому Закон – можно даже так сказать – сильно довлел над израильским народом. Потому что он не был выработан самим народом – он был дан ему Богом через пророка, а в результате его исполнение было трудничеством, ярмом. И только когда явилась Новая Скиния, могло быть сказано: «иго Моё благо и бремя Моё легко» (Мф 11:30). Оно благо и легко именно во Христе. Вне Христа это всегда будет та самая «гора», которую невозможно свалить, это всегда будет труд, который противоположен воле человека, его чувствам и желаниям.

Сейчас популярно такое словосочетание «пожить для себя». Но жить для себя невозможно – для себя можно только существовать. В том-то и дело, что не может быть некой лишь «переживательной», интимной веры. Вера всегда выражается во взаимоотношениях с людьми. Когда Христос родился в человеке? Именно тогда, когда Он родился посреди нас.

Вот я и хочу пожелать нам всем, чтобы Царство Небесное – как евангельские взаимоотношения между нами – родилось в нас и крепло. И сохранялось у нас как общий настрой и тогда, когда мы выходим из общения церковного в мир.

Письма другому своему

Городенская церковь

Всё так: ельник, песчаная дорога и ворон на макушке высохшей ели. Мне нравилось гулять одному, вдалеке от посёлка, и проигрывать в воображении разные сценарии жизни.

Есть некоторые вещи в искусстве, помогающие духовному росту. У каждого этот перечень свой, но случаются и пересечения. Одни называют «Мастера и Маргариту». Другие – картины Крамского, Ге, Поленова. Кто-то вспоминает «Страсти по Матфею» Пазолини. Кто-то просто остовы взорванных храмов среди сказочных мест центральной России: в советское время они несли свою молчаливую проповедь и напоминали о горнем.

...Мой подъём начался, наверное, с просмотра фильма Франко Дзеффирелли «Ромео и Джульетта». Я учился в восьмом классе, по вечерам ходил в клуб, центровое место в посёлке. Здесь собирались шахматисты, работала библиотека, проходили кружки по вышиванию и гитаре. И ещё по субботам танцевали. И крутили кино.

На сеансы, как ни странно, народ собирался. Человек тридцать-сорок, не меньше. Хотя у многих дома стоял телевизор. Не цветной, обыкновенный чёрно-белый. Но хорошие фильмы по ящику шли редко, сплошной соцреализм. Да и смотреть в одиночку как-то не так. В зале веселее.

Ну вот, Ромео и Джульетта. Средневековая Италия. Я сыграл пару шахматных партий и зашёл в зрительный зал.

Показ уже начался. Звучала чудная музыка. На первом ряду баба Маня всхлипнула: «Детки!» Одноклассники шептались на последнем ряду. А я...

После сеанса я вышел к футбольному полю и посмотрел на звёзды. Другая реальность – на порядок ярче нашей повседневности. Раньше её почему-то не замечал. Вернуться сразу домой было невозможно. И я долго кружил по аллеям.

Сегодня дзеффиреллевский фильм легко скачать, посмотреть снова. Проверить: так ли он хорош? Но я этого не делаю, потому что боюсь. Вернее, точно знаю, что это обыкновенная костюмированная лента, и я не увижу того, что увидел тогда, в начале 1970-х. Не увижу тревоги и радости, не услышу голос над бездной.

Надо ли говорить о том, что на следующий день я совершил поход в библиотеку, нашёл томик Шекспира. Начал читать. И продолжил. Не по школьной программе, а просто. Хотя честно сказать, нормальных книг в поселковой библиотеке было мало. Партийная макулатура и советские прозаики забивали все полки. Хотелось какой-нибудь твёрдой пиши, Платона. Но он в принципе не мог попасться на глаза. В нашем посёлке в 1930-е годы жила жена вождя мирового пролетариата Надежда Крупская, на одном из домиков висела памятная доска, напоминавшая, что она гостила здесь у своего приятеля-революционера Ивана Радченко. Позже я узнал, что эта милая дама позаботилась о том, чтобы в хранилищах советских библиотек не осталось ни одного вредного с её точки зрения философа. Ни Платона, ни Канта, ни Гегеля. Но Гегель всё-таки до меня добрался. Через неистового Виссариона.

Литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский стоял, как известно, у истоков критического реализма, поэтому его изучали в школе. И широко издавали. Выходили не только отдельные томики, но и собрания сочинений. Однако, поскольку и великие ошибаются, в них попадались крамольные мысли. Белинский не знал немецкого и не читал ни Шеллинга, ни Фихте, ни Гегеля. Зато их знали его многочисленные друзья. И пересказывали содержание только что прочитанных книг. А Белинский в своих статьях пересказывал слышанное. И поскольку его язык воспринимался легко, немецкая философия нашла такой странный путь в советский космос.

Впрочем, внепрограммного Белинского в поселке читало всего-то несколько человек. И внепрограммного Блока, то-

Борис Колымагин

мик которого стал моим всё, тоже.

Хорошо всё-таки, что Блок написал «Двенадцать». То есть, конечно, он ошибался. И Христос никуда не вёл красноармейцев. Но всё же не будь их, кто бы смог выпустить в Советском Союзе сборник стихов о Прекрасной Даме и Соловьином саде, о Демоне и прочей мистике Серебряного века? Впрочем, не все стихи поэта были про другое. Некоторые были про нас:

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века -
Всё будет так. Исхода нет.*

*Умрёшь – начнёшь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.*

Поселок стоял на берегу Волги, окружённый дамбой, построенной заключёнными. И мимо него проходил канал, в который сбрасывали промышленную дрянь в другом посёлке. И фонари перед домом светили тускло, через один. Так что и канал, и фонарь – про нас.

Что такое посёлок в эпоху Брежнева, во времена классического застоя? Болото, где каждая кочка знает о каждой буквально всё. Это и демонстрация нарядов: по праздникам на тебе самое лучшее, парадное. И тюрьма – страшная зависимость от двух-трёх человек: директора единственного предприятия и парторга. Никто ни во что особенно не верит, но нельзя не прийти на выборы, не появиться на демонстрации, не посидеть на открытом партсобрании, не выйти на субботник. То есть всё, конечно, можно. Но лучше этого не делать. Аукнется, да ещё как!

Душно и скучно. Вечное копанье в огороде. Единственный выход – грибы, рыбалка, охота. Молодёжь мечтала уехать. В большом городе человека всё-таки не так просто схватить за жабры. Но и в советское время мегаполисы были каменными джунглями. Кто-то пробивался, находил свою нишу. Кто-то не выдерживал и после учёбы и скитаний по общежитиям возвращался в родное болото.

Случалось по-всякому. Когда идёшь в гору, не очень думаешь о том, что будет, когда начнёшь спускаться.

...В трёх километрах от посёлка стоит село Городня, бывший городок Вертязин, разрушенный некогда татарами. На высоком холме над Волгой виднелась розовая маковка церкви. Старшеклассники ходили сюда на Пасху. Учителя и школьные активисты дежурили возле ворот, старались не пропускать. Но к крестному ходу всё равно многие просачивались за ограду. Долго, впрочем, не задерживались и бежали на танцы. Танцы на Пасху всегда допоздна бывали.

Да, городенская церковь. Я и не знал, что сюда из Москвы приезжают писатели-славянофилы. И где-то в её орбите существует кружок верующей молодежи, который вскоре разгромят.

В нашем классе училась одна из дочерей священника, ничем себя, впрочем, она особенно не проявляла. Носила комсомольский значок, кадрилась с парнями, а на уроке по атеизму, устроенному специально ради неё, молчала. Я тогда и не подозревал, что поведи она себя иначе, её запросто могли бы лишить семьи. Религиозное воспитание детей, даже в семье священника, преследовалось законом.

Но это всё внешние вещи. А внутренние – вертикаль. Она возникала в разных ракурсах. Катание на лодке – и вот её отсветы в закате. Купание – и она выплывает из тумана. Дорога на турбазу – и вот она, сквозь листву, в зените. Символически она рифмуется с «Триумфальной аркой» Ремарка. Хотя в ней нет ещё ничего трагического, тревожного. И всё же она искривляет пространство, не даёт ему остаться ровным и серым. Это так.

Всё есть огонь

Я уехал в большой город и стёр воспоминания прошлого. Вернее, от них почти ничего не осталось. Слишком много всего: и учёба, и реалии общежития. Мегаполис не верит слезам.

И всё же иные начала напомнили о себе. Произошло это так. Я пошёл на концерт Бориса Штокколова в Кремлёвский дворец съездов. Купил дешёвый билет на верхотуру. Слушал – и вдруг мне показалось, что бас поёт исключительно для меня, как в романе Дудинцева. Смотрит в мою сторону, выводит за руку из круговерти. Кажется, это был романс на слова Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Или всё-таки «Гори, гори моя звезда»? Не помню. Главное, что внутри опять что-то щёлкнуло. Открылось, как после просмотра памятной киноленты.

Наверное, после этого вечера я надел на шею крест.

О вере в нашей семье вообще не говорили. Мама и папа были атеистами. Дед тоже не верил. В детстве у нас жила верующая старушка-приживалка. Ходила в храм Рождества Богородицы в Городню, иногда молилась перед иконкой дома. Но она умерла, когда я был совсем маленьким. И бабушка умерла от рака совсем молодой, и я что-то не помню, чтобы она молилась. Много позже я узнал, что отец деда по материнской линии служил дьяконом в Калуге, где и похоронен. А так, внешне, никаких связей. Голый человек на голой земле.

Крестик на шее неожиданно стал причиной тревожных. На экзамене по научному коммунизму преподаватель, служивший во время войны в СМЕРШе, усмотрел на моей шее цепочку, и вместо того, чтобы выслушать ответы на экзаменационные билеты, стал выпрашивать: что да откуда. И, наконец, выстрелил в лоб: «Вы верите в Бога?» «Почему вы об этом спрашиваете?» – пролепетал я. «Потому что вы будете руководить людьми, и молодой специалист не должен быть верующим, партия этого не допустит». Я стал отнекиваться и отбрыкиваться, тем более что, действительно, ни во что не верил. Но удар был нанесён. К счастью, у нас оказался нормальный староста курса и ситуацию разрулил.

Носить крестик в советское время – это поступок. Он придаёт силы. По крайней мере, я решился переступить порог храма и просто постоять на богослужении. Немного. Но всё равно трудно: слишком много чужих взглядов в твою сторону, слишком необычная среда.

Дед, когда случайно узнал о моём новом увлечении, как-то прихватил меня в храм «Всех скорбящих радости» на Ордынке, где пели «Всенощную» Рахманинова. Сам он, естественно, не молился. Стоял, прислонившись к колонне, и слушал. Совсем неожиданная нить общения между внуком и дедом. Но что об этом.

Интерес к храму сменился интересом к театру. Летом – учебная практика и поход.

О походе, может быть, стоит сказать отдельно несколько слов. Кто тогда не ходил? Романтика туризма и песни у костра. Узкие каналы не искривлённой идеологией жизни. За границу не выпускали, отдых на юге стоил денежку. А в палатке можно было остановиться, где хочешь. Взял рюкзачок – и вперед.

Интересно, что очень важную роль в жизни туристов играет огонь. В поселке, в городе его почти не замечаешь. Ну, чиркнул спичку, поставил сковороду. А тут приходится и дрова собирать, и бересту рвать для розжига, и прыгать над молодым пламенем, дуть, раздувать, и сучья подкладывать. Словом, забот хватает.

Но кроме забот есть и простое созерцание. Можно сколько угодно долго смотреть на тлеющие угли. Никогда не устанешь. Песни прозвучали, девушки в палатки забрались, а угли светятся. Не хочется уходить.

Мысли о Едином во время созерцания огня вдруг становятся плотью. И слова Гераклита о живом огне начинают играть. Из чего состоит пламя? Не пронизывает ли оно собой воздух, воду и землю? Бог есть огонь?

Огонь поядающий.

Первое летописное упоминание о церкви Рождества Богородицы в с. Городня относится к 1418 году, но историки датируют её основание концом XIV века

Я не думаю, что это были какие-то глубокие мысли. Но в контексте материализма, царящего всюду на шестой части земли, они освобождали. Одно дело туманные немецкие мыслители и фантазии поэтов, другое – реальность, с которой сталкиваешься каждый день. Такова была структура момента: что-то как-то внутри меня сдвинулось, крыша поехала и встала на свое место. И вместе с ней появилась уверенность. Или, если угодно, интуитивное знание: Бог есть.

Конечно, по логике вещей всё должно было происходить наоборот. И безличный бог греческой философии должен был бы увлечь меня в стихии пантеизма. Может быть, на каком-то этапе так оно и было. Но затем мысль о Вездесущем определила весь ментальный поток. Бог есть. И только слепые могут этого не видеть. Преподаватель по научному коммунизму не может. Он слеп.

Зоя

На старших курсах оставаться в общежитии казалось просто невозможным. И я снял комнату по наводке одного поэта-корейца. Шумная многодетная семья, частые гости. Но всегда можно уйти в затвор, то есть закрыть дверь и читать.

Было в этой семье что-то необычное. В доме не было телевизора, из уст хозяев не звучали советские штампы.

Со мной они немного осторожничали. Побаивались, как признались позже, что я засланный казачок. Но вскоре всё разрешилось, и я оказался в море антисоветской литературы. Хозяева, оказывается, подрабатывали тем, что продавали ксероксы: у них был доступ к множительной технике. И они этим всю пользовались. Литература хотя и считалась антисоветской, по сути являлась просто нормальной. Стихи Бродского, «Другие берега» Набокова, томик Владимира Соловьева.

Ну да, были и «Чонкин» Войновича, и «ГУЛАГ» Солженицына, за которые могли «десятку» впасть. Но по большей части – разные варианты правильного питания и чудо голодания. Йога и оккультизм. То, что легко уходило. А ещё «В чём моя вера» Толстого. И православная литература.

Надо признаться, что Писание раньше никогда не попадалось мне в руки. А тут моя хозяйка Зоя просто дала Евангелие и попросила: обязательно прочти.

...Евангелия я читал весь вечер. И передо мной возник образ Христа. Как мерило моей совести, как человек, за которым можно идти.

Достоевский и Толстой прошли мимо моего внутреннего взора. А тут Личность возникла вдруг в поле единого Бога. И позвала.

Это было как рассвет в предгорьях. Выползаешь из палатки – луг и снежные вершины.

И я пошёл. То есть потом, разумеется, вершины скрылись. Но память о них осталась, и я знал, куда иду.

Зоя познакомила меня с одной тёткой, и та повезла меня в Троице-Сергиеву лавру к отцу Алексею. И он, после краткой беседы, дал почитать том из серии «Богословские труды». И попросил не только читать, но и заглядывать в храм, молиться. И я постепенно начал ходить на богослужения.

Я молился за себя, за родных, за Россию. Странно, до вхождения в Церковь «Мадонна» Рафаэля была мне ближе и понятней «Владимирской». Но оптика постепенно менялась, как у о. Сергия Булгакова, о чем я, естественно, не подозревал. И вскоре интерьер русского православного храма стал близким, тёплым, своим.

Но изменилась не только оптика, но и понимание Церкви. Я шел ко Христу как к полноте и радости жизни. И вдруг увидел, что живу, попросту говоря, по-скотски. И ужаснулся.

«Прав Ты, Господи, – говорил я из сна, – когда не пустишь меня к Себе».

«Прав. Но Я хочу видеть тебя в ограде».

Это дневниковая запись тех лет.

Зоя постепенно познакомила меня с церковной Москвой: возила по храмам, вводила в семьи верующих. И жизнь вокруг стала объёмной. Однажды к ней на квартиру пришли с обыском. Всё перевернули вверх дном, вещдоки увезли. К счастью, я был в это время в отлучке. Семья повисла на волоске, некоторых знакомых арестовали. Спецслужбы готовились к московской олимпиаде.

Мигающее существо

Я пролистываю судорожно несколько страниц своей виртуальной автобиографии: не туда, не о том. Ну да, об этом, кажется, стоит сказать. «Откровенные рассказы странника духовному отцу своему». Попытка заняться неустанной молитвой. Иду на тот же «Научный коммунизм» (или предмет уже называется как-то иначе?) и шепчу непрерывно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». И ещё не ем несколько дней согласно уставу: «Аще можеш, не вкушай до среды». И рашу бороду, а она не растёт.

И поднимаются волны. Я смотрю на синусоиду своей жизни: вот здесь я в церковной ограде. Вот здесь устаю, убегаю. Вот здесь приближаюсь снова. И снова отступаю. Человек – мигающее существо.

Но в какой-то момент картина меняется. Я уже не одинокий странник. И слова «носите тяготы друг друга» звучат в тесных обстоятельствах текущего дня.

Мы встречаемся раз в неделю на квартирах. «Мы» – это десять-двенадцать человек, возникших ниоткуда. То есть кухонные посиделки были всегда. Но чтобы они переросли в евангельские встречи, я даже и не думал. Но так случилось.

Мы сидим в небольшой комнате. Читаем Евангелие. Медленно. Очень медленно. И задаем вопросы.

Спрашиваем – и сами же отвечаем. Бывает, кто-то ползет в книжку, найдёт толкование. Но это редко – книг-то хороших мало.

Мы не спеша прочитываем главку, а потом говорим о своём. Среди нас есть «старший», то есть человек, которого мы немного грузим своими проблемами. И решаем, куда пойдём в ближайшее воскресенье, что будем делать в ближайшее время.

Я опять щёлкаю переключатель. И вижу себя в сумрачном лесу. Бог есть. Но почему же вокруг Него такая густая мифология, такие колючки ритуала и тиски обычая? Почему ещё вчера совершенно понятные вещи сегодня оказываются под вопросом?

Пространство размытого смысла

По нисходящей. Вчера ещё казалось, что есть. А теперь? Вместо уверенности и внутреннего ощущения движения – непонятки. Вот, ты думал, мы собрались и делаем важное дело. Но сейчас всё видится иначе.

...Слишком много пустот внутри. Необязательное скольжение – можно туда, можно сюда. Неважно. И от этой неважности, необязательности всё как бы начинает плыть. Рыхлое пространство, в котором ещё что-то можно сделать на усилении: надо. Но каждый раз это усилие становится всё более и более проблематичным. Ты совершаешь его ради Бога? Но это не так. Бог давно стал частью культуры, одним из способов выныривания из тупиков. Можно примерить старый мундир. Сказать: нет, никаких проекций человеческих отношений. Мы – фундаменталисты. Мы верим буквально в каждое слово.

Но я не могу вечно ходить в латах. Я знаю, что трава прорывается сквозь трещины в асфальте, и она тянется к небу.

Смысл ускользает на каждом шагу. Моя жизнь превращается в хаос. С элементами смысла. С какой-то бескрайней точкой внутри – Бог нового измерения. И пустыми действиями.

Ну да, иногда стишки и тексты. И они возвращают смысл. Иногда – живое слово и помощь кому-то: у меня слишком много своих проблем, но порой удаётся решать чужие.

Я не уверен, что я верю. Религия и культура давно выстроили меня. Красивое здание – я наблюдаю себя со стороны. Красиво стоит, красиво разрушается. Иногда появляются спонсоры и красят фасады. А внутри – ну да, я уже говорю. Да-да-да – вот так и опустошается фраза.

Жизнь после жизни

Ну, вот и всё. До такой степени всё, что я сижу пережёванный. И не знаю, куда идти. Я хожу как во сне: что-то делаю, готовлю пищу, разговариваю. Но внутри пустота. Я не могу включиться в шуточный разговор, в семейный праздник, если случайно попадаю на него. У меня вынули стержень, душу. Или я перебарщиваю? Ничего, всё пройдет. Ничего страшного.

Вчера ходил в лес. Давно уже не забредал в чащу, куда раньше любил лазить. Вспомнил, как шёл здесь в классе восьмом с приёмником под мышкой. Слушал «Зимние грёзы» Чайковского. Как проваливался в сугробе, находил тропинку со звериным следом и радовался игре синих теней на снегу. Чайковский тогда вёл, а кто теперь поведёт мою душу? Какова цена моей веры?

Считается, что если человек пришёл в Церковь, он в ней останется несмотря ни на что, ни на какие испытания. Даже если обидится и отойдёт, то каким-то боком появится снова. Но я видел многих, которые ушли совсем. Облелись поповской дури, устали от благочестивых сказок. И просто приходят в себя – несколько лет, несколько десятилетий.

Человека легко зажечь, показать ему перспективы. Но потом, если он стал пеплом, сделать уже ничего нельзя.

У церковной ограды

Бывший неопит проделал за три-четыре десятилетия «чернышевский» путь и оказался на пороге нового неверия. Швейцар протягивает ему руку: Иисус мудрый человек. Будем жить, как трава растёт, и помогать жизни, а остальное, все эти иудео-православные легенды, ну да, на свалку.

Но современная жизнь не позволяет это сделать. В процессе своих религиозных странствий бывший неопит хорошо усвоил, что ритуал кое-что значит. Он не просто выстраивает жизнь, а даёт ей качественное приращение. Пускай в нём преобладает назывное и пустое. Но есть некая малость, которая спасает всё, – весть о воскресении. Христос воскрес. Встал. Всё остальное можно взять в скобки.

Есть тысячи крючков, которыми я цепляюсь за жизнь. И пусть многие попадают не туда, какие-то держат.

Бог очень далеко. И близко. Он говорит языком сострадания, смысла и музыки.

Да, что-то пошло не так. Но Он зовет. И снова видны снежные горы. Простор.

А до небес, как и раньше, семь вёрст. И всё лесом.